

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра английской филологии и перевода

Пономаренко Екатерина Юрьевна

КОНTRASTIVНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙНЫХ СООТВЕТСТВИЙ
ТЕРМИНОГРУПП “EVIDENCE” И «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО»

магистерская диссертация

Научный руководитель

д. ф. н., проф. Т.А. Казакова

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Настоящая работа посвящена выявлению, исследованию и сопоставлению понятийных соответствий в области доказательственного права в русском и английском языках.

Актуальность данной темы обусловлена активностью исследования правовой сферы жизни общества специалистами различных областей науки, включая не только правоведов, но и лингвистов, а также недостаточной систематизированностью уже имеющейся терминологии доказательственного права. Наибольший лингвистический интерес рассматриваемая тема представляет для терминологов и терминографов. Проблемы юридической терминологии стали предметом исследования многочисленных отечественных и зарубежных исследователей, таких как В.М. Савицкий, С.П. Хижняк, М. Хрома, С. Шартчевич. Сопоставительный анализ юридической терминологии играет значительную роль не только для учёных-теоретиков, но и для переводчиков, а также для людей, непосредственно вовлечённых в процесс судопроизводства, осуществляющийся на международном уровне.

Несмотря на бесспорную общественную значимость юриспруденции в целом и юридической терминологии в частности, терминосфера судопроизводства изучена не в полной мере, а терминообласть доказательственного права характеризуется общей разрозненностью и фрагментарностью. Научная **новизна** данной работы заключается в том, что в рамках настоящей работы впервые предпринимается попытка выделить и охарактеризовать терминогруппу “*evidence*” в английском языке, а также найти и классифицировать понятийные соответствия в русском языке, принимая во внимание как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, в том числе особенности правовых систем США и России.

Цель настоящей работы заключается в изучении понятийных соответствий юридической терминологии в сфере доказательственного права США и России с учётом особенностей правовых систем этих стран. Для достижения данной цели были выполнены следующие **задачи**:

1. определение содержание понятия «термин»;
2. сравнение континентальной и англосаксонской правовых систем и выявление национальных особенностей в сфере доказательственного права;
3. сбор материала методом сплошной выборки из нормативных и доктринальных источников на английском языке;
4. анализ и систематизация англоязычных терминов;
5. определение структуры терминогрупп “*evidence*” и «доказательство»;
6. сопоставительный анализ ядра и периферии полученных терминогрупп;
7. выявление и классификация межъязыковых понятийных соответствий.

Объектом исследования являются терминогруппы “*evidence*” и «доказательство».

Предметом исследования являются межъязыковые понятийные соответствия в рамках данных терминогрупп, которые были исследованы и подразделены на полные соответствия, частичные соответствия и безэквивалентные единицы. Всего в ходе исследования было проанализировано 300 единиц на русском и английском языке, из них 217 – входящих в состав терминогруппы “*evidence*”.

Материалом исследования послужили нормативные и доктринальные источники на английском и русском языках, в том числе тексты законов, материал, размещённый на специализированных сайтах, справочники и словари.

В данной работе для решения поставленных задач были использованы следующие **методы**: метод компонентного, контекстуального и контрастивного анализов, сравнительно-сопоставительный и описательный метод, а также метод семантического членения.

Практическая значимость данной работы заключается в выявлении понятийных соответствий терминогрупп “*evidence*” и «доказательство» и отражена в результатах, которые могут быть использованы для создания

информационно-поисковых тезаурусов, в сравнительной типологии русского и английского языков, а также в переводческой и терминографической практике.

Структура и объём работы определяются поставленной целью и задачами. Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и списка источников. Общий объём работы составляет 91 страницу печатного текста.

Во введении аргументируется актуальность и научная новизна данной работы, определяется предмет и объект исследования, формулируется цель исследования и его задачи, а также перечисляются научные методы, использованные в работе, и указывается практическая значимость исследования.

В первой главе даётся характеристика основных теоретических положений, используемых в работе. Глава состоит из двух разделов: «Проблемы терминологической классификации» и «Специфика языка юриспруденции», раскрывающих такие лексикологические и терминологические вопросы как определение основных характеристик терминологических единиц, принципы дефиниционного анализа, ономасиологический и семасиологический подходы, понятийные соответствия, а также национально-культурные особенности юридической терминологии.

Во второй главе выделяются ядро, ближняя и дальняя периферии терминогрупп “*evidence*” и «*доказательство*», описываются особенности их структуры, выявляются понятийные соответствия, которые затем подразделяются на полные и условно полные соответствия, соответствия с пересечением объёмов понятий, соответствия, характеризующиеся отношениями включения, а также безэквивалентные термины и понятийные лакуны.

В заключении подводятся итоги работы. В конце работы приводится список использованной научной литературы и источников.

Глава I. Проблемы юридической терминологии

1. Проблемы терминологической классификации.

Заметный рост научного интереса учёных-филологов к теоретическому и практическому аспекту терминологии в конце XX – начале XXI вв. обуславливается, прежде всего, произошедшей во второй половине XX века научно-технической революцией. Необходимость использования терминов в эпоху стремительно развивающихся технологий очевидна, поскольку термин обеспечивает точность выражения, а следовательно, и ясность понимания научной мысли.

Поскольку термины являются неотъемлемой частью любой отрасли науки и техники, на сегодняшний день их число стремительно увеличивается, и ежегодно число новых терминов на порядок превышает число новых общеупотребительных слов. По статистике, количество новых терминов составляет около 80% всех новых слов [Матвеева 2004].

За несколько десятков лет активного изучения терминов и терминосистем, подходы учёных существенным образом изменились. До сих пор особенности специальной лексики являются объектом активного изучения, а многие вопросы терминологии остаются актуальными спустя многие годы. К таким вопросам относятся проблемы определения термина, его границ, разграничения синонимии и вариантности и многие другие. Но одной из первостепенных задач терминоведения несомненно является определение самого понятия «термин».

1.1. Определение понятия «термин»

Несмотря на то, что проблему определения природы термина и терминообразовательного процесса можно отнести к вопросам, традиционно представляющих наибольший научный интерес, она по-прежнему остается центральной проблемой современного терминоведения. В монографии В.П. Даниленко о терминологической лексике русского языка приводится 19 определений понятия «термин» из различных научных источников

[Даниленко 1977: 830-886], однако всего за годы исследований разными учёными было выдвинуто более пятидесяти различных определений понятия «термин».

Вопросы терминологии вызывают интерес специалистов не только терминоведения, но и других областей, каждый из которых предпринимает попытки дать более точное объяснение понятия термина. По мнению А.В. Суперанская, такая многочисленность существенно отличающихся друг от друга определений термина объясняется тем, что учёные, занимающиеся исследованиями в различных научных областях рассматривают термины под разным углом и связывают их со своими особыми представлениями, что и определяет существенные различия в определении терминов и неравный объём их содержания [Суперанская 2012: 11].

Для выявления сущности термина в рамках данной работы воспользуемся алгоритмом, выведенным Головиным и Кобриным. Согласно этим учёным, чтобы понять природу терминологии в общем и термина в частности, необходимо, прежде всего, «проанализировать семантическую природу термина и сопоставить значение термина и общеупотребительного слова». После этого возможно установить существенные признаки рассматриваемых понятий и определить их содержание [Головин, Кобрин 1987: 30]. Рассмотрим некоторые определения понятия «термин», выдвинутые отечественными учёными.

Баскаков определяет термин как «точно соответствующее обозначаемому понятию устойчивое, моносемичное, т.е. однозначное по своему значению и соотнесенное с другими терминами внутри данной отрасли терминологии слово или словосочетание, характеризующееся унифицированным употреблением его в данной отрасли терминологии» [Баскаков 1961: 57]. Похожее определение даёт и Я.А. Климовицкий. По его словам, «термин – это слово (или словосочетание), языковой знак которого соотнесен (связан) с соответствующим понятием в системе понятий данной области науки и техники» [Климовицкий 1969: 35].

В.П. Даниленко понимает под термином «слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [Даниленко 1977: 830-886]. Вопрос определения термина не раз рассматривался и на Фёдоровских чтениях, в том числе М.В. Умеровой, предложившей своё определение термина. По её мнению, термин – это «слово или словосочетание, которое ограничено своей дефиницией и употребляется в функции специального научного знания и стремится быть однозначным как точное выражение понятий и названия вещей» [Умерова 2009].

Несмотря на то, что приведённые выше дефиниции различны по своей формулировке, в них наблюдаются общие признаки, которые признаются всеми исследователями как играющие ключевую роль в понимании самой природы терминов (такие признаки в научных работах зачастую выявляются в рамках определения «требований к термину»). Так, например, большинство специалистов при определении понятия «термин» в первую очередь принимают во внимание связь термина и понятия [Лейчик 2007]. Авторы приведённых выше определений также сходятся во мнении, что термин тесно связан с закреплённым за ним конкретным научным понятием, то есть для термина такое именуемое понятие одновременно представляет собой именуемый объект. Именно из этой связи с конкретным понятием следует вывод о невозможности непосредственной связи научного термина с конкретным предметом [Суперанская 2012].

Необходимо подчеркнуть, что понятие, стоящее за термином, всегда ограничено определённым полем, т.е. одной из самых ярких особенностей термина является его **специфичность**. По мнению Суперанской, денотат научного термина – «понятие данной области знания, строго определённое в рамках данной дисциплины». Вне связи с этим понятием лексическая единица как термин не воспринимается. [Суперанская 2012: 34]. Приведённые выше определения также свидетельствуют о том, что сама природа термина обуславливает его принадлежность к определённому ЯСЦ.

Однако существует целый ряд межсистемных, общенаучных терминов, которые в равной степени используются в ЯСЦ различных научных областей. В.М. Лейчик и С.Д. Шелов, приводя примеры возможных классификаций терминов, выделяют помимо узкоспециализированных терминов ещё и межотраслевые, а также общенаучные и общетехнические [Лейчик, Шелов 1990: 23]. Примером таких общенаучных терминов, использующихся в различных ЯСЦ, могут служить такие слова как *функция, принцип, система*. Однако несмотря на, на первый взгляд, общее содержание, эти термины конкретизируются в отдельно взятой сфере употребления. В связи с этим, у некоторых исследователей возникает альтернативное толкование природы подобных терминов. Так, Суперанская предлагает считать термины, существующие в различных ЯСЦ, омонимами. термина, включенного в другую дисциплину. В своей работе она делает вывод о том, что сама идея возможной общенаучности терминов противоречит терминологическому подходу, в рамках которого словесным знакам «приписываются определённые терминологические значения» [Суперанская 2012: 108].

Помимо тесной связи термина с конкретным понятием определённого ЯСЦ, исследователи выделяют ещё несколько характерных черт, присущих большинству терминов. А.Д. Хаютин приводит свою классификацию признаков термина в соответствии с его содержанием, формой и функционированием. Такая классификация основана на выдвинутой учёными идеей о том, что термин необходимо изучать в трёх различных аспектах: семантическом, синтаксическом и прагматическом [Хаютин, 1981, с. 50].

Одним из наиболее ярко выраженных признаков, связанных с содержанием термина, является его **дефинированность**, т.е. ограниченность его значения точными границами научного определения. Обязательность этого критерия для термина выделяли многие учёные, в том числе Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин, В.П. Даниленко, Т.Л. Канделаки. С одной стороны, этот признак напрямую связан с принадлежностью термина к определённому ЯСЦ, с другой – влечёт за собой другие неотъемлемые признаки термина. К

ним относятся, в частности, **моносемантичность** термина и его независимость от контекста. Однако стоит отметить, что термины должны быть однозначны в рамках одного ЯСЦ, поскольку за пределами определённой терминосферы можно говорить о таких распространённых явлениях как полисемия и омонимия терминов [Кияк, 1989, с. 8]. Тем не менее, даже в рамках одной терминосистемы не исключена полисемия. Упорядочение и унификация такой системы и приведение полисемичных терминов к состоянию, при котором одному понятию соответствовал бы один знак, является одной из важных задач для терминографов. Помимо однозначности термина отмечается также его **полнозначность**, т.е. «отражение в значении термина минимального количества признаков, необходимых для идентификации обозначаемого им понятия» [Мякшин 2009], а также **отсутствие семантических противоречий** между значением слова как единицы определённого ЯСЦ и его лексическим значением в качестве общеупотребительного слова [Лотте 1982: 149]. Также, говоря о признаках, связанных с содержанием термина, учёные выделяют **отсутствие у него синонимов** в рамках определённого ЯСЦ.

Следующую группу характерных признаков составляют признаки, связанные с формой термина. Одним из важных требований, предъявляемых к термину, является его краткость. В своей работе Гринёв-Гриневич выделяет лексическую краткость термина и формальную краткость термина. **Лексическая краткость** подразумевает отсутствие в термине элементов, не несущих никакой смысловой нагрузки, так называемых, «пустых» элементов: например, *памятный сувенир* (= *сувенир*), *жилой дом* (= *дом*), *злокачественная меланома* (= *меланома*). Приведённые термины не соответствуют принципу лексической краткости термина, поскольку они тавтологичны по своей природе. Тем не менее, их наличие доказывает тот факт, что данный принцип может зачастую нарушаться [Гринёв-Гриневич 2008: 32]. **Формальная краткость** предполагает предпочтительность более краткой и ёмкой форме термина. Так, в дублетной паре терминов

нейромезодерматодистрофия – *нейрофиброматоз*, предпочтительным представляется последний термин ввиду его краткости. В.М. Лейчик, говоря об оптимальной длине термина, подчёркивает лёгкость его запоминания, обеспечиваемую краткостью, и, как следствие, его дальнейшее широкое применение в определённом ЯСЦ [Лейчик 1981]. Однако, как отмечает Гринёв-Гриневич, зачастую лаконичность выражения является недостижимой, особенно в специфических ЯСЦ или, например, в названиях химических соединений: *диаминдивалерамидинплатетрахлороплатеат* [Гринёв-Гриневич 2008: 33]. Именно поэтому А.В. Суперанская, говоря о краткости термина, подчёркивает его особый статус по сравнению с общеупотребительными словами и утверждает, что точность в случае с терминами важнее краткости. По её мнению, многословность нельзя считать недостатком, если она способствует прояснению значения термина, и поэтому сама Суперанская предлагает считать требованием к термину не краткость, а **точность** [Суперанская 2012: 132].

В то же время точность термина обеспечивается в том числе соответствием нормам словообразования, или, словами А.В. Суперанской, его **лингвистической правильностью**. Исследователь выступает за унифицированность и единообразие терминообразования в рамках одного терминологического поля, однако отмечает, что это требование является желательным и не относится к большому количеству уже сложившихся терминов, что не позволяет нам говорить о лингвистической правильности как об общей черте терминов [Суперанская 2012: 132].

Мотивированность является одним из самых противоречивых признаков термина, вызывающий разногласия среди учёных-терминологов. Многие из них не только не приходят к общему мнению относительно мотивированности термина, но и придерживаются практически противоположных точек зрения. Мотивированность термина представляет собой более или менее явную связь между планом выражения и планом содержания.

Некоторые учёные, в том числе Ахманова, Ицкович и Капанадзе, придерживаются мнения о том, что «идеальный термин» должен иметь ясную мотивировку, не только потому что это существенным образом облегчает его запоминание, но также указывает на высокую степень интегрированности термина в систему [Ахманова 1990: 509]. Мотивированность термина основывается не только на зависимости формы от содержания, но также и на связи с другими единицами плана содержания и всего языка, так как «создание каждого нового языкового знака обусловлено достигнутым состоянием всей системы» [Кияк 1989: 33].

К последней группе признаков относятся требования, выдвигаемые к прагматическому аспекту функционирования термина. Среди них учёные выделяют **внедрённость**, т.е. общепринятость термина в специализированной среде и его высокую употребительность в данной сфере. В письменном виде определить внедрённость термина можно с помощью определения его частотности в текстах определённого ЯСЦ [Мякшин 2009]. А.В. Суперанская выделяет этот критерий как наиважнейший среди всех функциональных признаков термина, поскольку зачастую значение термина не может быть определено как сумма значений всех его компонентов. Именно в связи с этим Суперанская предлагает специалистам, занимающимся унификацией терминов в конкретном ЯСВ, отдавать предпочтение терминам с большей внедрённостью, даже в том случае, если такой термин будет менее удачным по всем остальным параметрам [Суперанская 2012: 132].

Ещё одним требованием, относящимся к функциональному аспекту, является требование **современности** термина. Это требование подразумевает устранение устаревающих терминов и их постепенную замену на более современные (ср. устаревающее «бетономешалка» и более современное «бетоносмеситель» [Гринёв-Гриневич 2008]).

Наконец, последнее требование, требование **благозвучности (эвфонии)**, касается общих орфоэпических принципов и ассоциаций, возникающих при восприятии термина. Под орфоэпической благозвучностью

понимают удобство произношения, под ассоциативной благозвучностью – отсутствие нежелательной коннотации или неприятных ассоциаций при употреблении вне ЯСЦ. В первом случае, принцип тесно связан с описанным выше принципом краткости. Принцип орфоэпической благозвучности требует «устранения излишней протяжённости термина, а также скопления однородных звуков» [Суперанская 2012: 211]. Ассоциативную благозвучность можно проиллюстрировать с помощью следующих пар дублетов: *спаивание* – *пайка*, *обезгаживание* – *дегазация*, *вишивость* – *педикулёз*. Кроме того, в некоторых ЯСЦ (например, в медицине), термины могут образовываться таким образом, чтобы не вызывать нежелательных ассоциаций у возможного адресата: так, «*опухоль*» называют «*новообразованием*». Нацелено это, прежде всего, на то, чтобы свести к минимуму эмоциональное воздействие определённого термина на пациента [Гринёв-Гриневич 2008: 36].

1.2. Место терминологии в составе языка

За несколько десятилетий активного изучения терминов, в терминоведении наблюдалось несколько противоположных по своей природе взглядов на природу термина и его место в составе языка. Известно, что первичные определения понятия термина указывали на его специфичность и независимость от общелитературного языка. Это привело к появлению идеи об обособленности терминосистем и независимости терминов от контекста.

Дальнейшие изменения трактовки понятия природы термина обусловлены смещением акцента с изучения специфических признаков термина на исследование его функционирования в языке, подкреплённое анализом так называемых «терминопорождающих» текстов, т.е. текстов, в которых термины могут появляться и функционировать. Анализ подобных текстов выявил противоречивые признаки терминов: они «порождаемы и воспроизводимы, однозначны и одновременно многозначны, нейтральны и эмоциональны, зависимы и независимы от контекста» [Алексеева 1998: 6].

Широко распространённой является точка зрения А.А. Реформатского, причислявшего терминологические единицы к двум разноплановым системам: к лексису и логосу (*lexis* – слово; *logos* - наука) – иными словами, к лексической системе языка и системе научных знаний. В данном случае, термин, представляя собой единицу общенационального языка, в полной мере подчиняющуюся языковой норме, входит в состав определённого ЯСЦ, приобретая чёткую дефиницию [Реформатский 2001].

Хотя вопрос о месте терминологии в составе языка, как и многие другие вопросы терминологии, до сих пор остаётся открытым, можно выделить два основных подхода: нормативный и дескриптивный. В то время как при нормативном подходе к изучению природы термина термин представляется лексической единицей определенного типа с особой семантической и грамматической структурой, выделяющей его среди общеупотребительных слов, дескриптивный подход трактует термин как слово в особой функции и наибольшее значение отводит изучению функционирования терминологических единиц. Так Г.О. Винокур, сторонник дескриптивного подхода, отмечает, что «в роли термина может выступать всякое слово, как бы оно ни было тривиально» [Винокур 1939: 5]. В.П. Даниленко, в свою очередь расценивает терминологию как «подсистему общелитературного языка», т.е. он признаёт применимость к терминологии общих тенденций развития литературного языка, но в то же время указывает на определённую свободу и самостоятельность в её развитии [Даниленко 1977: 11].

Н.П. Кузькин, описывая разницу между двумя подходами, охарактеризовал их так: «Если лингвисты подходят к термину как к чему-то данному, то терминологи – как к объекту сознательной целенаправленной обработки. Поэтому лингвисты говорят о признаках термина, а терминологи – о требованиях к термину» [Кузькин 1962: 140-141].

Учёные, занимавшиеся исследованием этого вопроса с нормативной точки зрения (например, О.С. Ахманова, Т.Л. Канделаки, Д.С. Лотте, Е.Н.

Толикина и др.), приходят к единогласному мнению об особом статусе терминов в любом языке, а также об их обособленности от общеупотребительных слов. Термин, в их понимании, – это искусственно созданная специальная единица, тогда как терминосистема представляет собой систему таких знаков.

В то время как в рамках нормативного подхода термин должен соответствовать определённым предъявляемым ему требованиям, то дескриптивный подход основывается на том, что в роли термина может выступать любое слово. Соответственно сторонники дескриптивного подхода не считают возможным предъявление каких-либо требований к термину, полагая, что представители нормативного подхода к изучению терминов описывают только идеальные терминосистемы. Представители дескриптивного подхода (Кузькин, Моисеев, Будагов, Кобрин, Головин и др.), таким образом, говорят о возможности синонимичности и многозначности терминов в реальных терминосистемах, а также о нарушении других требований к терминам, устанавливаемых нормативистами. А.И. Моисеев называет такие требования не более чем «тенденцией или их [терминов] желательными качествами, или, наконец, требованиями к “хорошой” рационально построенной терминологии» [Моисеев 1970: 138].

Третий подход к изучению природы термина тесно связан с предложенной В.М. Лейчиком концепцией «языкового субстрата», в рамках которой термины считаются тесно связанными с общеупотребительными словами, поскольку они также являются важной составляющей частью лексического состава литературного языка. Согласно теории «языкового субстрата», термин является сложным образованием, включающим в себя:

- а) «естественно-языковой субстрат – т.е. материальный (звуковой или графический) и идеальный (семантический) компонент структуры термина;
- б) логический суперстрат – т.е. содержательные признаки, позволяющие термину обозначать абстрактное или конкретное понятие в системе понятий;

в) терминологическую сущность – т.е. содержательные и функциональные признаки, позволяющие термину описывать определенную специальную сферу человеческих знаний или деятельности» [Лейчик 2007: 7].

Однако помимо строгих приверженцев одного из двух вышеперечисленных подходов существует немало учёных, придерживающихся смежных взглядов. Так, например, А.В. Суперанская во многом разделяет мнение сторонников дескриптивного подхода, признавая наличие в реальных терминологических системах многокомпонентных терминов, а также не отрицая возможность их полисемии и синонимии. В то же время, она утверждает, что терминология имеет мало общего с литературным языком и отличается закономерностями, по её словам, «не согласующимися с нормами литературного языка» [Суперанская 2012: 17-18].

1.3. Систематизация терминов. Терминогруппы.

Систематизация терминов подразумевает под собой распределение понятий в соответствии с особой структурой той или иной области знаний. С помощью такой систематизации устанавливаются связи между различными понятиями в одной терминосистеме, определить их место, а также выявить и (или) исключить синонимию, различия в толковании понятий и другие несоответствия требованиям к терминосистеме. Помимо прочего, систематический подход к организации терминосистем обеспечивает возможность уточнения дефиниций конкретных терминов путём их определения к определённому классу понятий, вместе с тем ограничивая их от однотипных понятий.

Выделяют два основных типа отношений между понятиями одной терминосистемы: родовидовые и партитивные. **Родовидовые отношения** подразумевают связь между родовым понятием, более широким по объёму, и более узким, видовым понятием. Такой тип отношений можно проследить на примере терминов *evidence* (родовое) и *circumstantial evidence, collateral*

evidence, conclusive evidence (видовые). **Партитивные отношения** характеризуют связь между термином, обозначающим целое понятия и терминами, обозначающие его части. Так, термины *cross-examination* и *direct examination* связаны партитивными отношениями с термином *questioning*. За основу при таком делении берётся какой-либо признак, общий для всех рассматриваемых терминов – так называемое основание деления.

С.В Гринёв-Гриневич в своей работе выделяет особые правила для систематизации терминов:

- 1) одинаковое деление необходимо осуществлять по одному и тому же основанию;
- 2) сумма объёмов всех полученных после деления видовых понятий должна равняться полному объёму исходного понятия;
- 3) переход от родового понятия к видовым должен происходить без скачков, т.е. к ближайшим к нему видовым понятиям;
- 4) за основание деления необходимо принимать не случайный, а существенный признак, для того, чтобы систематизация в целом имела практическое применение [Гринёв-Гриневич 2008: 83].

Процесс систематизации включает в себя, прежде всего, выделение наиболее широких понятий. К универсальным категориям понятий относят объекты, процессы и состояния, свойства и величины. Затем каждая из категорий подразделяется на тематические группы, которые получают своё наименование по самому широкому понятию данной группы.

Результатом такой систематизации становится система значений терминов, которая в дальнейшем может стать основой будущей терминосистемы. Систематизированная терминосистема представляет собой набор логически организованных понятий, чьи содержание, объём и связи чётко определены.

Некоторые исследователи считают возможным классифицировать терминосистемы по своему объёму и подразделить их на **терминообласти** (более 1000 терминов), **терминополя** (от 100 до 1000 терминов) и

терминогруппы (до 100 терминов), именуемые в некоторых трудах как макро-, мезо- и микротерминологии [Гринёв-Гриневич 2008: 67]. Несмотря на то, что подобная классификация резонна, количественные показатели весьма спорны и варьируются в зависимости от конкретной терминосистемы. Так, например, в терминогруппу «*наименования химических элементов*» могут входить тысячи единиц, в то время как терминогруппа «*архитектурные стили*» представлена несколькими десятками терминов. В рамках данной работы было принято решение считать рассматриваемую терминосистему терминогруппой, несмотря на то, что в её состав входит более ста единиц.

1.4. Ономасиологический и семасиологические подходы.

Семасиологическое и ономасиологическое терминоведение используют два крупнейших подхода к изучению терминологических единиц. Семасиологический подход заключается в исследовании проблем, связанных с семантикой терминологических единиц и различными семантическими явлениями, такими как полисемия, омонимия и синонимия и т.д. Ономасиологическое терминоведение, в свою очередь, акцентирует внимание на структурные формы терминов, а также на особенностях выбора оптимальных форм для наименования специальных понятий.

Для семасиологического терминоведения фокусом исследований является, прежде всего, соответствие терминов и соотносимых с ними понятий, а также адекватность значений терминов соответствующим понятиям. В рамках этого подхода, лексическая единица языка обладает лексическим значением, на которое, в свою очередь, накладывается терминологическое значение. Семантика терминологической единицы, таким образом, характеризуется взаимодействием лексического и терминологического значения. В более поздних работах лексическое значение также зачастую называют «буквальным значением термина» [Гринёв-Гриневич 2008: 91]. Семасиологический подход акцентирует внимание на решение проблем «полисемии и многозначности

терминологии, при котором лексические единицы с различными (хотя порой и близкими значениями) объединяются в одну словарную лексему» [Шелов 2003: 8].

Ономасиологический подход связан с самим процессом терминообразования, принципами и формами наименования специальных понятий; в рамках ономасиологического терминоведения, опираясь на результаты анализа существующих терминоформ, исследователи выявляют способы и модели терминообразования, обладающие наибольшей продуктивностью. Этот подход предоставляет возможность выработки определённых рекомендаций по образованию терминов, в том числе и так называемых требований к ним (см. п. 1.1.). Зачастую благодаря ономасиологическому анализу удаётся провести параллели между различными типами семантики разноструктурных и разноуровневых единиц, обозначающие одинаковые понятия [Пашко 1984].

В.М. Лейчик отмечает преимущества ономасиологического подхода перед семасиологическим. В частности, ономасиологический подход оказывается наиболее широко применим в ходе создания мотивированных терминов [Лейчик 2007: 144]. Его позицию поддерживает Л.А. Шкатова на примере анализа наименований профессий. Выявление определённого признака, характерного для того или иного специалиста, или объекта, с которым он имеет дело, позволяет получить более ёмкий и точный термин для наименования профессии такого специалиста: например, *бурильщик*, *моторист*, *системотехник* [Шкатова 1984: 147-148].

Терминологические единицы могут рассматриваться учёными с точки зрения ономасиологического или семасиологического подходов. Оба подхода признаются современными исследователями правомерными, а в особых случаях оказывается необходимым их совмещение, более тесная взаимосвязь экстралингвистического и лингвистического. В значении терминов, как и в значении отдельных общеупотребительных слов отражается как их понятийная соотнесённость с реальными предметами и явлениями, так и их

внутрисистемные связи с другими единицами языка. Многие описываемые в терминологии явления (например, полевая структура номинативных групп), могут характеризоваться как с помощью ономасиологического, так и с помощью семасиологического анализа [Пашко 1984].

1.5. Принципы анализа дефиниций. Контрастивный анализ.

Хотя принципы анализа терминологических дефиниций во многом совпадают с методами изучения общеупотребительных слов, применительно к ним могут также применяться и особенные методы, характерные для терминологической сферы. Согласно В.М. Лейчику, общелингвистических методы, применяемых к терминам, два:

1) **метод компонентного анализа** (также называемый в литературе семным анализом и анализом по непосредственно составляющим). Этот метод основывается на том, что значение слова представляет собой «упорядоченную структуру множества элементарных единиц» [Стадульская 2012]. Компонентный анализ широко применяется отечественными лингвистами. Так, О.С. Ахманова классифицировала английские глаголы движения путём выделения дифференцирующих компонентов скорости, характера, направленности движения в ходе компонентного анализа [Ахманова 1969];

2) **метод комбинаторного анализа**, выделяющий в семантике два основных компонента: предмет и смысл (объём и содержание), при этом «второй компонент представлен как набор признаков (семантических элементов), выделяющий данный предмет из множества других предметов» [Лейчик 2007: 144].

Кроме того, существует так называемый **метод семантических множителей**, который применяется почти исключительно в рамках анализа терминологических единиц. Такой метод позволяет рассматривать значение термина как «произведение нескольких элементарных понятий, связанных различными фиксированными отношениями» [Perry, Kent 1958].

При изучении терминологических совокупностей, как и при анализе терминов по отдельности, исследователи прибегают к анализу плана выражения и плана содержания, при этом выделяют шесть типов лингвистического анализа терминологии: **историко-описательный, компонентный, дефиниционный, дистрибутивный, метод семантических множителей**, а также **метод построения формальных парадигм единиц, входящих в одну терминологию** [Лейчик 2007: 145].

В данной работе для исследования терминогрупп “*evidence*” и «доказательство» наиболее широко использован метод **контрастивного анализа**. Целью такого анализа является «выявление сходств и различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с её возможными соответствиями в другом языке» [Стернин 2008].

В своей работе И.А. Стернин приводит условный алгоритм контрастивного анализа лексем, который в дальнейшем используется в данной исследовательской работе.

В ходе начального этапа осуществляется выделение конкретной терминологической группы (“*evidence*”) в исходном языке:

- 1) составляется исходный список опорной лексики, путём выделения основных терминов из словарных дефиниций;
- 2) полученные термины также подвергаются дефинитивному анализу, а из полученных дефиниций, в свою очередь, выделяются новые термины, пополняющие уже имеющийся список;
- 3) при дальнейшем анализе специальной литературы список расширяется, пополняясь новыми терминами;
- 4) финальный список терминов разбивается на более мелкие смысловые подгруппы.

На следующем этапе проводится параллель между каждым полученным в ходе подготовительного этапа термином и его переводным соответствием, то есть словом другого языка, сходном по семному составу и

использующимся в переводе. Таким образом, составляется корпус соответствий исходным единицам в языке сопоставления:

- 1) для каждого исходного термина выписываются все его возможные словарные соответствия;
- 2) полученные термины языка сопоставления, а также их синонимы составляют список переводных соответствий.

Следующий этап представляет собой компонентный анализ полученных контрастивных пар с целью семантического описания всех выявленных терминов:

- 1) термины русского и английского языка подвергаются компонентному анализу с помощью анализа их словарных дефиниций;
- 2) за компонентным анализом следует контекстуальный анализ, позволяющий выявить дополнительные семы, не нашедшие отражения в словарных дефинициях.
- 3) семы каждой полученной контрастивной пары противопоставляются друг другу при помощи приёма «унификации семантических описаний», который заключается в том, что сходные толкования сем в двух языках приравниваются друг к другу» [Стернин 2008].

На финальном этапе осуществляется сопоставление полной полученной структуры терминогруппы в русском и английском языках с указанием их особенностей и специфики.

Подобный контрастивный анализ терминологических единиц позволяет выявить не только языковые особенности терминогрупп, но также и национальную специфику сравниваемых терминологических единиц в русском и английском языках, которую необходимо сохранять при переводе и в рамках межкультурной коммуникации.

1.6. Переводческие и понятийные соответствия.

Несмотря на то, что в рамках данной работы проблемы перевода не являются основным объектом исследования, особенности понятийных

соответствий русского и английского терминополей рассматриваются сквозь призму перевода. Именно поэтому при анализе материала в данной работе была использована та же классификация, что и при оценке переводческих соответствий.

Переводческим соответствием называется «единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ» [Комиссаров 1990: 135]. По объёму информации соответствия можно подразделить на **полные** и **частичные**. Полные эквиваленты сохраняют одинаковый объём передаваемой информации, в то время как частичные соответствия, при частичном или даже полном сохранении объёма семантической информации, могут иметь неравнозначный объём других видов информации (например, экстраглоссической).

Итак, согласно В.С. Виноградову, как переводческие, так и понятийные соответствия могут считаться частичными на различных уровнях:

1) На **семантическом** уровне – т.е. в случае, когда объём семантической информации одной лексической единицы превышает объём её соответствия в другом языке. В рамках юридических терминополей, в отличие от рассматриваемых Виноградовым художественных текстов, такие расхождения в объёме играют существенную роль, поскольку могут оказывать серьёзное влияние на восприятие того или иного понятия, а следовательно, повлечь за собой неадекватное толкование выходного текста.

2) На **стилистическом** уровне – т.е. в случае, когда имеются различия в эмоционально-экспрессивном компоненте информативного объёма рассматриваемых лексических единиц. Стилистические отличия, в отличие от семантических, играют значительно меньшую роль в правовых терминосистемах в связи с преимущественно нейтральным стилистическим характером входящих в них терминологических единиц.

3) На **социокультурном** уровне – т.е. в случае, когда при совпадении семантического объёма рассматриваемых лексических единиц наблюдаются различия «в формах проявления национальной специфики используемых в

разных языках конкретных средств» [Фёдоров 2002: 235]. Иными словами, это содержащаяся в лексической единице экстралингвистическая информация «характерная для определенной нации или национальности, освоенная массой их представителей и отражённая в языке данной национальной общности» [Виноградов 1978: 87].

Помимо полных и частичных соответствий в лингвистике принято также выделять так называемую безэквивалентную лексику, т.е. «единицы ИЯ, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [Комиссаров 1990: 147]. Безэквивалентная лексика преимущественно встречается среди слов, обозначающих понятия и реалии, специфические для особой национальной и социокультурной среды. Поскольку терминология юриспруденции тесно связана с правовой системой конкретной страны, а также находится под существенным влиянием экстралингвистических (например, исторических) факторов, объём безэквивалентной лексики в ней довольно велик.

Для детального анализа понятийных соответствий терминогрупп “*evidence*” и «доказательство» нами была принята за основу более дробная классификация. Были оставлены категории полных соответствий и безэквивалентной лексики, однако группа частичных соответствий была подразделена на следующие подгруппы:

- 1) соответствия с частичным пересечением объёмов понятий;
- 2) соответствия, связанные отношениями включения, т.е. те, в которых а) объём англоязычных понятий превышает объём русскоязычных; б) объём русскоязычных понятий превышает объём англоязычных.

2. Специфика языка юриспруденции.

Область права представляет собой особую сферу общественной жизни человека, имеющую международное значение, но сохраняющую национальные традиции, специфический язык и культурные особенности. Не удивительно, что юриспруденция вызывает интерес не только у юристов, но и

у специалистов других гуманитарных наук, а также у представителей широкой общественности. Таким образом, исследования языка юриспруденции имеют не только сугубо лингвистическое значение, но также и социокультурную значимость, а также играют большую роль в рамках межкультурной коммуникации в целом.

В связи с тем, что условия жизни человека постоянно меняются под воздействием внешних факторов и стремления к совершенствованию общества, изменениям подвергаются также и формы защиты прав человека, что, в свою очередь, влечёт за собой лингвистические изменения в данном ЯСЦ. Кроме того, увеличение информационных потоков приводит к расширению имеющихся терминосистем в связи с появлением большого количества новых терминов.

Подобные процессы характерны и для права как отдельной сферы общественной жизни, поскольку социальные изменения неизбежно влекут за собой ускорение темпа правотворческой деятельности. Потребность в быстрой адаптации не всегда положительно сказывается на качестве издаваемых законов и подзаконных актов, которые зачастую не соответствуют предъявляемым к ним требованиям, в том числе и с точки зрения терминологии [Авакова 2006].

Нормативная правовая терминология безусловно является одним из самых значимых элементов языка юриспруденции. Её целью становится более точное и ёмкое отражение явлений действительности, характерной для сферы права, которое достигается с помощью упорядоченных терминосистем. Однако в настоящее время система далека от безупречности как с точки зрения лингвистики, так и с позиции юриспруденции, что не может не оказывать негативное влияние на эффективность правовых норм [Фомина 2006].

2.1. Особенности юридической терминологии.

Говоря о терминологии в сфере права, стоит в первую очередь обратиться к наиболее широко известным дефинициям понятия «юридический термин»:

- 1) «словесное обозначение государственно-правового понятия, с помощью которого выражается и закрепляется содержание нормативно-правового предписания государства» (БЮС);
- 2) «слова (или сочетания слов), которые являются наименованиями определённых юридических понятий» [Савицкий 1987];
- 3) «слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщённым наименованием юридического понятия, имеющего точный и определённый смысл и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [Пиголкин 1990].

Несмотря на то, что данные дефиниции представляют собой довольно полные, универсальные определения понятия «юридический термин», все они обращаются лишь к нормативному аспекту юридических терминов, опуская терминологические единицы, обозначающие иные понятия сферы права, отсутствующие в нормативно-правовых актах. В то же время правовая терминосистема включает себя и термины, употребляющиеся для обозначения различных доктринальных понятий юриспруденции и других понятий юридической сферы, не закреплённых законодательно. Г.Т. Чернобель сформулировал более универсальное определение понятия «юридический термин». По его мнению, это «слово (или словосочетание), унифицированно употребляемое в сфере правовых отношений, являющееся наименованием дефинированного юридического понятия и отличающееся заданной моносемичностью (то есть строгой однозначностью, семантической определенностью), функциональной устойчивостью» [Чернобель 1983: 57].

Однако существенная доля терминологического аппарата сферы права представлена терминами, содержащимися в нормативно-правовых актах и обозначающими понятия, свойственные той или иной системе права. С.К. Магомедов, занимающийся проблемой унификации терминологии

российских правовых актов, вводит особое определение для нормативного правового термина. По его словам, он представляет собой «дефинированное правотворческим органом слово или словосочетание, унифицирована употребляемое в сфере правовых отношений в зависимости от юридической силы и соблюдения иерархии нормативного акта, которое имеет точный и определенный смысл, функциональную устойчивость, предназначенное для обозначения специального правового понятия» [Магомедов 2004].

Ввиду наличия тесной связи между юридическими терминами и законодательством той или иной страны, в правовых терминосистемах наблюдаются серьёзные различия в объёмах, а также языковые и понятийные лакуны. Кроме того, язык юриспруденции, являясь специфической частью языка, зачастую нарушает общепринятые языковые нормы. Так, например, в английском языке (в особенности в правовых документах) нередко употребляются эллиптические конструкции, нехарактерные для общеупотребительного языка. Помимо этого, в юридической терминологии многих языков наблюдается большое количество заимствований, преимущественно из латинского языка, что связано с его исторической ролью в развитии юриспруденции как науки и сферы общественной жизни, а также аббревиатур, использующихся для сокращённого наименования организаций, должностей и типовых документов. Такие особенности бесспорно играют огромную роль для перевода и представляют особый интерес для целого ряда отечественных и зарубежных исследователей [Максименко 2003; Алимов 2005; Власенко 2005; Hodge, Kay 1996; Ramirez 2007; Olsen, Frances, Lorz, Stein 2009].

2.2. Национально-культурные особенности юридической терминологии в странах общего права и в странах с системой континентального права.

Проблема национально-культурной специфики юридических терминов связана с двумя важными факторами: во-первых, тенденцией к

интернационализации различных терминосистем, включая также и юридическую, а во-вторых, тем, что одни и те же терминосистемы в различных языках обслуживают различные по своей специфики сферы деятельности, отличаются временем появления, особенностями формирования и становления, они подвергаются различному экстралингвистическому воздействию. Эти факторы оказывают большое влияние на терминосистемы и приводят к различному соотношению национального и интернационального в терминосистемах различных языков и культур.

Хотя особенности юриспруденции и права как общественного явления, характерные для общества любой страны, а также ускорившаяся в последние годы глобализация права, могут обусловливать сходство в составе, семантике и свойствах терминов языка юриспруденции, национальная специфика термина может проявляться даже в рамках одного языка и одной правовой системы (например, в Великобритании и США), поэтому различия между терминосистемами стран с разным языком и разными системами права очень велика.

Национально-культурные особенности юридических терминосистем стран общего права тесно связаны с разнообразными экстралингвистическими факторами, в том числе с ярко выраженным демократическими принципами становления правовой системы в странах общего права. Наиболее ярко различия проявляются в наполнении терминосистем, наличии особых, нехарактерных для терминосистем других стран классификаций, а также различий в синонимических рядах, обусловленных внедрением национально специфических профессионализмов в терминосистему юридического языка.

Различия в национально-культурных особенностях терминов приводят, помимо прочего, к возникновению проблемы разноэквивалентных и безэквивалентных терминов. В ходе компонентного анализа выявляются сужения и расширения значений, которые могут быть связаны с возможным

наличием этнокультурных сем. Безэквивалентные термины в рассматриваемом в данной работе случае имеют в своём составе множество этнокультурных сем, использующиеся для обозначения правовых реалий, не характерных для других правовых систем.

С лингвистической точки зрения, в юридической терминосистеме стран общего права можно выделить некоторые характерные особенности. Так, на ранних этапах становления английской юридической терминологии огромное влияние оказало Нормандское завоевание, повлекшее за собой распространение западной традиции права, сформировавшейся на нормах римского права. Вместе с новой традицией появились и новые заимствования из латинского языка. В современном английском языке юриспруденции такие заимствования занимают порядка 10% всех терминов (*mens rea, habeas corpus, actus reus* и др.) [Максименко 2002].

В то же время Нормандское завоевание спровоцировало появление в английском языке многочисленных французских заимствований, использовавшихся для обозначения новых для английского права явлений и правовых институтов. Количество юридических терминов, представляющих собой французские заимствования, в настоящее время составляет около 2% (*carte blanche, droit, accroacher* и др.). Кроме того, посредством французского языка в английской правовой системе появились опосредованные латинские заимствования, употребляющиеся для обозначения ключевых положений и понятий прецедентного права (*trespass, felony, misdemeanor, marriage, jury* и др. [Максименко 2002].

Огромное влияние на развитие терминологии оказали и такие экстралингвистические факторы как судебные реформы 1863-1875 гг., приведшие к образованию новых терминов для обозначения новых судебных органов и процессуальных норм (*detinue, Court of Civil Appeal* и т.д.), а также вступившие в силу в 1999 г. Правила гражданского судопроизводства, поменявшие представление об участниках процесса и повлекшие за собой переосмысление уже имеющихся терминов данной терминосистемы. Так

термин *claimant* постепенно вытесняет широко используемый ранее термин *plaintiff* [Оськина 2007].

Проблемы юридической терминологии в русском языке на сегодняшний день являются актуальными не только для лингвистов, но и для специалистов, работающих в сфере права, поскольку на данный момент правовая терминосистема не только не соответствует требованиям законодательной техники, но также зачастую нарушает нормы русского языка. Обусловлено это прежде всего тем, что действующее на данный момент законодательство РФ является, по сути, переходным: оно сочетает в себе как пережитки советской правовой системы, так и нововведённые нормы, не всегда точно отображающие реальность общественных отношений. Запутанность юридической терминологии влечёт за собой как терминологические несоответствия в рамках отдельных правовых актов, так и несистемность всей терминологии российского права [Некрасова 2013].

Являясь на первый взгляд лишь лингвистической проблемой, разнотечения в терминологии правовой сферы ведут к нарушению прав граждан, вызванных многозначным толкованием законодательства, а также возможности неправомерного применения судами закреплённых в законодательстве норм права. «Особенности публично-правового регулирования в отличие от частноправовой терминологии, где допускается аналогия права, требуют строжайшего соблюдения точности терминологии при выражении воли законодателя». [Черекаев 2004].

Выводы по главе I

В связи с наличием множества разнообразных подходов к изучению природы термина, определения понятия «термин» существенно разнятся. В рамках данной работы мы придерживаемся следующей характеристики понятия «термин»:

- 1) термин используется для обозначения определённого понятия, явления или предмета, характерного для того или иного ЯСЦ;
- 2) он может быть выражен разными частями речи, а также состоять из одного или нескольких компонентов;
- 3) среди наиболее характерных признаков термина выделяют:
 - a) соотнесённость с определённым научным понятием,
 - b) точность,
 - c) однозначность
 - d) краткость.

Сравнивая юридическую терминологию в русском и английских языках, можно выделить следующие особенности:

- 1) в русской терминосистеме существуют понятия, которые не имеют аналогов в странах общего права, и, соответственно, в юридической терминологии английского языка, и наоборот;
- 2) в целом, для английской юридической терминологии характерна внутриполевая синонимия, объясняющаяся наличием большого числа заимствованных и устаревших терминов, в то время как русская терминосистема характеризуется смешением современных терминов и терминологических единиц, возникших в советский период;
- 3) наличие полисемантических единиц может приводить к серьёзным расхождениям в значениях одного и того же термина, а возможность множественного толкования и общая неоднозначность, характерная для терминологического пространства российского права, затрудняет перевод терминов, имеющих, на первый взгляд, полные соответствия в английском языке;

4) в правовой терминосистеме русского языка присутствуют термины, описывающие тот же участок правового поля, что и англоязычные термины, однако различие в правовых системах приводят к различиям в их членении на более мелкие единицы;

5) разница между правовыми системами приводит к серьёзному различию в объёмах терминосистемы юриспруденции в английском и русских языках, а также к языковым и понятийным лакунам.

Глава II. Контрастивный анализ терминогрупп “evidence” и «доказательство».

1. Принципы отбора материала и его характеристика.

Специалисты в области терминоведения рассматривают терминологические единицы в двух плоскостях: с точки зрения их функционирования и фиксации. При изучении функционирования терминосистемы исследователи обращаются к контексту и анализируют, как определённый термин проявляет себя в рамках изучаемого ЯСЦ, т.е. в специальной литературе или, например, текстах законодательных актов. Область фиксации представляет собой закрытую систему, которая не может демонстрировать функционирование терминов в контексте и их взаимодействие между собой, поскольку в таких системах термины закреплены изолировано друг от друга. Примерами источников в области фиксации являются толковые и двуязычные словари, энциклопедии, тезаурусы и т.д. [Чиронова 2007].

При отборе материалов для данного исследования мы обратились к обеим вышеперечисленным сферам. Для составления списка терминов, образующих основу терминогруппы “*evidence*” в английском языке, были использованы специализированные юридические словари, тезаурусы и глоссарии. Для формирования терминогруппы «доказательство» были также использованы двуязычные переводные словари. Однако существенные различия между континентальным и англосаксонским правом, ведущие к различному подходу к их изучению и кодификации юридической терминологии, а также нехватка кодифицированных источников на русском языке не позволили выделить полный список терминов, входящих в терминогруппу «доказательство» в русском языке. Тематические глоссарии на русском языке также обнаружены не были ввиду недостаточной исследованности системы доказательного права в отечественном правоведении. Вышеперечисленные источники (преимущественно специализированные юридические словари) были использованы также в

качестве источников определений для выявленных терминологических единиц.

Сфера функционирования терминов в рамках исследуемой темы представляет собой более информативный источник для извлечения терминологии. Использованные в ходе отбора терминологических единиц нормативные и доктринальные источники, а также материалы, размещённые на специализированных юридических сайтах, не только позволили выявить термины, входящие в состав анализируемых терминогрупп, но и послужили основными источниками дефинирующего контекста, а также уточняющего контекста, проясняющего особенности употребления того или иного термина (в дальнейшей работе при рассмотрении примеров определения, зафиксированные в словарях, цитируются без кавычек, в то время как дефинирующий контекст приводится в кавычках). Использование специальных текстов в рамках контрастивного анализа юридической терминологии представляется наиболее оптимальным по мнению многих исследователей, в том числе И.И. Чироновой, поскольку «многие правовые термины фиксируются не столько в словарях, сколько в текстах законодательных актов» [Чиронова 2007].

В сфере доказательного права используется целый ряд общеюридических (e.g. *court*, *hearing*, *judge*) и даже общен научных (e.g. *principle*, *rule*) терминов, которые были расположены на периферии ввиду отсутствия у них особого, узкоспециального значения в рамках рассматриваемых терминогрупп. Тем не менее, некоторые общеюридические термины были включены в ядро терминогруппы “*evidence*”. Так, например, термин *witness* не просто включён в состав анализируемой терминогруппы, но и сам является ядром более мелкой тематической подгруппы *types of witnesses*.

2. Структура и общая характеристика терминогруппы “evidence” в английском языке.

Анализ структуры терминологии доказательства позволяет говорить о её комплексном характере, что сказывается, в частности, на иерархичности её структурной организации, а также на отношениях терминов в пределах отдельных микросистем.

Исследование семантических связей, объединяющих выделенные термины, а также выявление общих и дифференциальных семантических компонентов терминологических единиц позволило объединить их в пять подгрупп, в соответствии с их тематическими характеристиками: “*processing evidence*”, “*admission of evidence*”, “*weight of evidence*”, “*types of evidence*”, “*types of witnesses*”. Привлечённые понятия юридической терминологии, составляющие неотъемлемую часть рассматриваемой терминогруппы были объединены в отдельную подгруппу “*general legal terms*”. Состав каждой из этих групп определяется специфическими логико-понятийными связями и структурными особенностями. Более подробное исследование каждой выделенной группы позволяет выяснить как общий объём понятий, входящих в терминогруппу “*evidence*”, так и место каждого понятия в составе терминогруппы. Совокупность выявленных терминов даёт представление об особенностях её понятийной организации.

Рассматривая терминогруппу “*evidence*” как полевую структуру, можно выделить ядро, ближнюю и дальние периферии. Понятия, входящие в подгруппы “*processing evidence*”, “*admission of evidence*”, “*weight of evidence*” и “*types of evidence*”, являются специфичными для терминогруппы “*evidence*” и формируют её ядро, микросистема “*types of witnesses*” располагается на ближней периферии, в то время как дальнюю периферию занимает общеюридическая терминология.

После выделения подгрупп был проведён анализ иерархических отношений внутри каждого из вышеперечисленных тематических блоков терминов с целью исследования их родовидовой структуры и выделения

более мелких групп понятий по их гиперо-гипонимическим признакам. Несмотря на крайне ограниченный объём подгрупп, большинство из них иерархически структурированы и дают возможность дальнейшего выделения микросистем на основе общего семантического признака. Структуры некоторых подгрупп не являются в полной мере иерархическими, однако внутри них возможно выделение отдельных микросистем со своими родовидовыми связями (e.g. *Admission of evidence* → *Objecting* → *objecting to a question / objecting to a response / objecting to material evidence / process of objecting*).

Анализ иерархических и неиерархических отношений между понятиями, принадлежащими к различным уровням, выявляет их логическую системность, которая отражает структуру терминогруппы “*evidence*”, и отношения между входящими в неё терминологическими единицами.

Таким образом, структура терминогруппы “*evidence*” представлена следующими подгруппами (см. рис. 1 в приложении 1):

1) **Processing evidence**:

- a. ***Obtaining evidence*** (e.g. *findings of fact*)
- b. ***Analyzing evidence*** (e.g. *hasty generalization*)
- c. ***Presenting evidence*** (e.g. *confession*)
 - i. ***Questioning*** (e.g. *inducing question*)

2) **Admission of evidence** (e.g. *authentication*):

- a. ***Objecting***

- i. ***Objecting to a question*** (e.g. *misleading question*)
 - ii. ***Objecting to a response*** (e.g. *non-responsive*)
 - iii. ***Objecting to material evidence*** (e.g. *fruit of the poisonous tree*)
 - iv. ***Process of objecting*** (e.g. *sustained*)

3) **Types of evidence** (e.g. *collateral evidence*):

- a. ***Direct evidence***

- i. ***Testimonial evidence*** (e.g. *anecdotal evidence*)
 - ii. ***Documentary evidence*** (e.g. *extrinsic evidence*)

b. *Indirect evidence*

- i. *Physical evidence* (e.g. *transfer evidence*)
- ii. *Biological evidence* (e.g. *fingerprints*)

4) *Types of witnesses:*

- a. *By representation* (e.g. *prosecution witness*)
- b. *By the means of obtaining evidence* (e.g. *eyewitness*)
- c. *By the type of presented evidence* (e.g. *character witness*)
- d. *By the admissibility of presented evidence* (e.g. *competent witness*)
- e. *By the weight of their evidence* (e.g. *material witness*)

5) *Weight of evidence* (e.g. *scintilla of evidence*).

Несмотря на то, что большинство терминологических единиц можно отнести только в одну из вышеперечисленных подгрупп, ряд терминов принадлежат сразу нескольким тематическим блокам. Так, термин *irrelevant evidence* может быть отнесён как к группе “*types of evidence*”, так и к группе “*admission of evidence*”, в то время как термин *expert report* может являться частью подгрупп “*testimonial evidence*” и “*documentary evidence*”, в зависимости от того, в какой форме было предоставлено такое показание – в устной или письменной.

Хотя в состав терминогруппы “*evidence*” включены однокомпонентные терминологические единицы, выраженные преимущественно существительными (e.g. *misquote*, *prejudice*), и, в значительно меньшей степени, причастиями (e.g. *overruled*, *sustained*), наблюдается преобладание двухкомпонентных и многокомпонентных терминов. Среди двухкомпонентных терминов преобладают термины, созданные по модели «прилагательное + существительное» (e.g. *first-hand evidence*, *hostile witness*), а также «существительное + предлог + существительное» (e.g. *preponderance of evidence*, *spoilation of evidence*). В меньшей степени состав терминогруппы “*evidence*” представлен многокомпонентными терминами (e.g. *best evidence rule*, *Locard's exchange principle*).

Помимо терминологических единиц английского языка, в рассматриваемой терминогруппе присутствуют также термины и терминоэлементы, заимствованные из латинского языка (e.g. *res gestae*, *prima facie evidence*), что объясняется его исторической ролью в становлении не только самой науки о праве, но и языка юриспруденции.

3. Структура и общая характеристика терминогруппы «Доказательство» в русском языке.

Терминология доказательственного права представляет собой совокупность терминологических единиц, обозначающих специальные понятия данной области теории и практической деятельности. В настоящее время сфера доказательственного права в России не является окончательно сформированной, поэтому её терминология находится в процессе становления. В рамках терминогруппы «доказательство» не представляется возможным выделить более мелкие подгруппы в силу целого ряда причин.

Так, например, согласно российскому законодательству, суд обязан рассмотреть все доказательства, имеющие отношение к делу, а значит, в русском языке отсутствует терминологическая подгруппа, соотносящаяся с английской “*admission of evidence*”, несмотря на наличие термина *допустимость доказательства*. В странах континентального права судопроизводство представляет собой бюрократический процесс, в ходе которого судья изучает устные показания и письменные доказательства, представленные сторонами и экспертами, и, опираясь на них выносит свой вердикт. Эта особенность находит своё отражение в юридической терминосистеме: поскольку путь от получения доказательств до их передачи судье крайне невелик, а конечным адресатом в большинстве случаев является опытный судья, а не коллегия присяжных, на которую можно повлиять продуманной стратегией предоставления доказательств, объяснимо отсутствие аналогов терминологических подгрупп “*processing evidence*” и “*types of witnesses*” в русском языке (тем не менее, стоит отметить, что в

терминосистеме российского права можно выделить более крупную терминогруппу «участники судебного процесса»). Отсутствие стандартов «перевес доказательств» (*preponderance of evidence*) и «за пределами разумных сомнений» (*beyond a reasonable doubt*) ведёт к отсутствию необходимости оценивания весомости того или иного доказательства, а следовательно, и отсутствию в терминогруппе «доказательство» соответствия англоязычной подгруппе “*weight of evidence*”.

Таким образом, структура рассматриваемой терминогруппы в русском языке обусловлена особенностями российской правовой системы. Опираясь на российское законодательство и специализированную литературу, можно составить лишь условную классификацию доказательств, выделив в терминогруппе «доказательство» подгруппу «виды доказательств». В теории доказательственного права существуют несколько оснований для классификации доказательств:

1. На основе источника сведений: **личные** (исходящие непосредственно от участников процесса) и **вещественные** (материальные объекты);
2. На основе наличия промежуточного носителя информации: **первичные** (сведения, полученные непосредственно от источника информации) и **производные** (сведения, полученные опосредованно, т.е. с помощью третьих лиц, копий документов и т.д.);
3. На основе отношения к обвинению: **обвинительные** и **оправдательные**;
4. На основе отношения доказательств к устанавливаемым фактам: **прямые** (доказательства, на основании которых можно непосредственно сделать вывод о доказываемых обстоятельствах) и **косвенные** (доказательства, свидетельствующие о промежуточных фактах, из которых делается вывод об обстоятельствах, подлежащих доказыванию).

4. Понятийные соответствия терминогрупп “evidence” и «Доказательство».

4.1. Полные и условно полные понятийные соответствия.

В сфере юриспруденции терминологические соответствия редко можно отнести к «полным». В связи с существенными различиями в правовых системах, в англоязычных и русскоязычных понятиях даже при совпадении общего смысла присутствуют незначительные различия. Таким образом, в рамках данной работы полные и условно полные понятийные соответствия были объединены в одну категорию.

Пример 1

Authentication: the confirmation rendered by an officer of a court that a certified copy of a judgment is what it purports to be, an accurate duplicate of the original judgment [West's Encyclopedia of American Law].

Засвидетельствование верности копий документов: «Одновременно с заявлениями указанные лица представляют надлежащим образом заверенные копии документов или ходатайствуют о засвидетельствовании судом верности копий, остающихся в деле» [Ст. 75 АПК РФ].

«Так, если в результате удостоверения какой-либо сделки или в процессе засвидетельствования верности копий документов или выписок из них виновным была разглашена или использована коммерческая или другая тайна, которая стала известна ему в процессе исполнения своих профессиональных обязанностей, налицо факт идеальной совокупности преступлений» [Комментарий к УК РФ (отв. ред. А.А. Чекалин; под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова)].

Специализированные словари не предоставляют дефиниции термина «засвидетельствование верности копий документов», поскольку он является мотивированным, и его смысл предельно ясно раскрывается в контексте. Именно поэтому провести дефинитивный анализ в данном случае представляется невозможным. Тем не менее, мы можем говорить о широкой употребительности данного термина и его закреплённости как в нормативных, так и в доктринальных источниках, а использование русского и английского терминов в сходном контексте позволяет говорить о них как о полных понятийных эквивалентах.

Пример 2

Confession: an admission that one has committed a crime or any other incriminating statement made by a person [Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 26.03.17)].

Признание вины: признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств [Ст. 77 УПК РФ].

Призна́тельный показа́ние: в большинстве своем, следователи (дознаватели) стремятся получить призна́тельные показа́ния от подозреваемого или обвиняемого в рамках расследования уголовного дела [Адвокат как гарант законности [Электронный ресурс] URL: <http://www.legal-office.ru/article/001.htm> (дата обращения: 26.03.17)].

Оба предложенных термина в русском языке также являются мотивированными, поэтому не находят определения в специализированных словарях. Различия между указанными терминами заключаются, прежде всего, в их частотности и сфере употребления. Если *признание вины* отличается высокой частотностью и может использоваться как в нормативных, так и в доктринальных источниках, то употребительность термина *призна́тельные показа́ния* ограничена научными и научно-популярными статьями. Хотя в законодательстве данный термин не закреплён, в целях перевода его использование также допустимо, ввиду его широкой употребительности в языке для специальных целей.

Пример 3

Affidavit: a written statement of facts voluntarily made by an affiant under an oath or affirmation administered by a person authorized to do so by law [West's Encyclopedia of American Law].

Аффидевит: письменное показание или заявление, даваемое под присягой и удостоверяемое нотариусом или другим уполномоченным на это должностным лицом при невозможности (затруднительности) личной явки свидетеля [Большой юридический словарь].

Англоязычный термин *affidavit*, как и русскоязычный *аффидевит* были заимствованы из латинского языка для обозначения одного и того же понятия. С помощью семантического анализа устанавливается как общность основной семы («заявление свидетеля»), так и совпадение дополнительных сем, несмотря на то, что английская дефиниция не устанавливает обстоятельств

получения данного документа. Этими различиями можно пренебречь, поскольку в Великобритании и США свидетели заранее раскрывают свои показания в письменном виде для упрощения процесса допроса в суде. В России такая практика не закреплена, поэтому использование аффидевита имеет место только при невозможности вызова свидетеля в суд. В странах общего права аффидевит может быть приобщён к делу в случае, если свидетель не смог явиться в суд; если же он присутствует, использование аффидевита допускаются лишь для того, чтобы оспорить показания свидетеля или помочь ему вспомнить некоторые факты. Обязательностью письменных показаний в ангlosаксонском праве обусловлено отсутствие уточняющего дефинитивного признака в определении английского термина.

Пример 4

Indirect evidence: that proof which does not prove the fact in question, but proves another, the certainty of which may lead to the discovery of the truth of the one sought [Black's Law Dictionary].

Circumstantial evidence: indirect evidence which creates an inference from which a main fact may be inferred [USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 26.03.17)].

Косвенные доказательства: «по отношению к обстоятельствам, устанавливаемым по делу, доказательства делятся на прямые и косвенные: первые непосредственно указывают на эти обстоятельства, вторые – устанавливают промежуточные или побочные факты, по совокупности которых можно сделать вывод об искомом обстоятельстве» [Большая советская энциклопедия, 1969 – 1981].

Как следует из приведённых определений, термины *indirect evidence* и *circumstantial evidence* синонимичны друг другу и отличаются лишь частотностью употребления (термин *circumstantial evidence* употребляется значительно чаще). Кроме того, оба этих термина являются полными понятийными эквивалентами термину *косвенные доказательства* в русском языке, и поэтому могут в равной степени употребляться в качестве переводных соответствий.

Пример 5

Collateral evidence: evidence that has no important independent significance [Federal Rules of Evidence – Impeachment of a Witness (FRE 608, FRE 609, et al.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.legalthree.com> (дата обращения: 26.03.17)].

Второстепенные доказательства: «деление доказательств на главные и второстепенные имеет смысл лишь с точки зрения важности тех обстоятельств дела, которые ими устанавливаются. Доказательства по конкретному делу выступают в виде системы, отдельные члены которой связаны друг с другом различными связями и отношениями. Не все члены этой системы равнозначны по своему значению: одни устанавливают прямо или косвенно наиболее важные обстоятельства исследуемого события, другие – менее важные обстоятельства, некоторые же служат средством установления хотя и относящихся к делу, но не имеющих для него существенного значения моментов. Именно в связи с этим и говорят о главных и второстепенных доказательствах» [Оценка доказательств в уголовном процессе [Электронный ресурс] URL: <http://bukvi.ru/pravo/ugolovnoe/ocenka-dokazatelstv-v-ugolovnom-processe.html> (дата обращения: 26.03.17)].

Термин *второстепенное доказательство* является мотивированным и не нуждается в словарной дефиниции. Анализ дефинитивного контекста позволяет сделать вывод о практическом полном совпадении значения терминов на английском и русском языках. Единственное различие заключается в том, что определение термина на английском языке указывает на отсутствие самостоятельной значимости такого доказательства, в то время как дефинитивный контекст в русском языке не делает акцента на зависимость подобного доказательства от других. Такое различие в семантике не является существенным, поэтому представляется возможным отнести понятия *collateral evidence* и *второстепенные доказательства* к условно полным. Тем не менее, термин *второстепенные доказательства* в нормативных источниках не закреплён, а его использование в специализированной литературе существенно ограничено, что связано с отсутствием дробной классификации доказательств в системе российского права.

Пример 6

Exculpatory evidence: applied to evidence which may justify or excuse an accused defendant's actions, and which will tend to show the defendant is not guilty or has no criminal intent [Burton's Legal Thesaurus, 4E].

Оправдательное доказательство: оправдательными считаются доказательства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность [Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств].

«Доказательства делятся также на обвинительные и оправдательные. Само их название говорит о том, что первые свидетельствуют о виновности обвиняемого, а вторые - о его невиновности. Следует иметь в виду, что деление доказательств на обвинительные и оправдательные относительно. В ходе расследования и судебного разбирательства одно и то же доказательство при появлении новых доказательств может превратиться из обвинительного в оправдательное, и наоборот» [Комментарий к УПК РФ под ред. И.Л. Петрухина].

Доказательство невиновности: «Но функция – не отдельное действие, направленное, например, на предоставление доказательств невиновности, а совокупность действий и решений, объединенных общей целью, и сводить ее только к формулированию и отстаиванию вывода о невиновности или меньшей виновности также представляется упрощением вопроса» [Н.К. Панько. Реализация функций защиты на досудебных стадиях производства по уголовному делу].

Оба термина в русском языке являются мотивированными и не нуждаются в словарных определениях. Исходя из контекста, мы можем судить о полном понятийном соответствии между понятиями континентальной и ангlosаксонской правовой системы. В русском же языке термины *оправдательное доказательство* и *доказательство невиновности* синонимичны и взаимозаменямы. Тем не менее, анализ специализированной литературы показал, что термин *оправдательное доказательство* отличается более широкой употребительностью и используется в более авторитетных источниках (например, в комментариях к УК РФ), поэтому он более предпочтителен для перевода англоязычных источников.

Пример 7

Real evidence: any material object, introduced in a trial, intended to prove a fact in issue based on its demonstrable physical characteristics [Americas Courts and the Criminal Justice System, 9th edition].

Вещественные доказательства: Вещественными доказательствами признаются любые предметы:

- 1) которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления;
- 2) на которые были направлены преступные действия;
- 2.1) деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления;
- 3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

[Ст. 81 УПК РФ].

Нормативно закреплённый термин *вещественные доказательства* является полным понятийным эквивалентом термина *real evidence*, поскольку в их семантическом составе содержатся одинаковые семы («предмет» – “material object”, «внешний вид, свойства, место нахождения или иные признаки» – “demonstrable characteristics”, «имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела» – “intended to prove a fact in issue”), и они обладают одинаково широкой употребительностью в контексте специальной литературы в странах англосаксонской и континентальной систем права.

Пример 8

Lay witness: an ordinary person who testifies based upon their personal knowledge and life experiences. A lay witness is distinguished from an expert testimony, who testifies based upon their qualifications of expertise in their field [USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 26.03.17)].

Свидетель: лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний [Ст. 56 УПК РФ].

Поскольку в системе общего права принято дробное деление свидетелей в соответствии с даваемыми ими показаниями, термин *witness* является родовым понятием для целого ряда других терминов, в число которых входят и эксперты. В российском законодательстве эксперты представляют собой отдельную категорию участников судебного процесса. Свидетели в такой классификации противопоставляются экспертам, а значит, не обладают специальными знаниями, требующимися для дачи показаний в суде. Таким образом, сема «отсутствие специальных знаний», присутствующая в определении английского термина *lay witness* находит отражение в русском термине *свидетель*. Хотя в его дефиниции такая сема отсутствует, её можно выявить при контекстуальном анализе и с помощью дефинирующего контекста:

«Свидетель не обладает специальными знаниями в определённой области, не даёт заключений, он просто сообщает суду сведения о конкретных фактах, которые он воспринял; его мнения и умозаключения не могут иметь доказательственное

значение» [Отличие эксперта от специалиста и свидетеля [Электронный ресурс] URL: <http://tomexp.ru> (дата обращения: 23.04.17)].

Пример 9

Eyewitness: an individual who saw the occurrence of an event and may be called upon to testify about it in court [YourDictionary [Электронный словарь] URL: <http://law.yourdictionary.com> (дата обращения: 23.04.17)].

Очевидец: тот, кто непосредственно наблюдал какое-либо явление, происшествие [Чем отличается свидетель от очевидца? [Электронный ресурс] URL: <http://thedifference.ru> (дата обращения: 23.04.17)].

Несмотря на то, что термин *очевидец* используется в УПК РФ («... когда потерпевшие или *очевидцы* укажут на данное лицо как на совершившее преступление...» (ст. 91)), в специализированных источниках его дефиниция отсутствует. Возможно, эта особенность связана с прозрачной этимологией этого слова, значение которого интуитивно понятно адресату и, следовательно, не требует подробного дефинитивного анализа. Тем не менее, анализ контекстов на русском и английском языках позволяет говорить о терминах *eyewitness* и *очевидец* как о полных понятийных соответствиях.

Пример 10

Weight of evidence refers to the measure of credible proof on one side of a dispute as compared with the credible proof on the other. The weight of evidence is based on the believability or persuasiveness of evidence. Particular evidence has different weight in inducing belief with respect to the facts and circumstances to be proved. Evidence that is indefinite, vague, or improbable will be given less weight than evidence that is direct and not refuted. [USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Достаточность доказательств: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела» [Ст. 88 УПК РФ].

«Достаточность доказательств определяется в зависимости от того, дают ли они в своей совокупности возможность установить обстоятельства, которые необходимы для принятия данного решения» [Комментарий к ст. 88 УПК РФ].

Совокупность доказательств: «По каждому делу следствие должно собрать и представить необходимое и достаточное количество фактических данных, совокупность которых полностью доказывает состав преступления и виновность обвиняемого по данному составу» [М.Ю. Медведев. Уголовный процесс, 1999].

«Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на

совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [Ст. 17 УПК РФ].

Исходя из словарной дефиниции термина *weight of evidence* и опираясь на анализ специализированной литературы, можно сделать вывод о том, что данный термин имеет несколько значений, в зависимости от контекста, в рамках которого он был употреблён.

Во-первых, термин *weight of evidence* может относиться к оценке всех доказательств, представленных обеими сторонами, с точки зрения их убедительности. В таком случае, представляется возможным соотнести англоязычный термин *weight of evidence* с русскоязычными понятиями *совокупность доказательств* и *достаточность доказательств*. Данные термины тесно связаны между собой, поскольку характеризуют один и тот же участок правового терминополя. Термин *совокупность доказательств* относится к общему количеству собранных доказательств. При этом совокупность собранных доказательств – «не количественная, а качественная категория, состоящая в непосредственной диалектической связи с понятием достаточности доказательств для разрешения дела» [Статья 88. Правила оценки доказательств [Электронный ресурс] URL: <http://ur-consul.ru> (дата обращения: 16.04.17)]. Достаточность доказательств – это также не только количественный, но и качественный показатель, который позволяет судье оценить представленные суду доказательства и определить, могут ли они служить основанием для вынесения того или иного вердикта. Достаточность предполагает, что собранные доказательства дают основания считать определённые обстоятельства доказанными.

Понятия *weight of evidence* и *достаточность доказательств* обладают идентичным значением и общим семантическим соответствием, несмотря на небольшое смещение в оттенках значения: если англоязычный термин используется по отношению к доказательствам, предоставленным обоими сторонами по отдельности, то русскоязычный термин относится к совокупности доказательств обеих сторон. Тем не менее, такое расхождение

не может считаться существенным, что позволяет отнести данные термины к полным понятийным соответствиям.

В случае с соответствиями *weight of evidence* и *совокупность доказательств*, мы можем говорить о различии объёма и, соответственно, отношениях включения, поскольку русскоязычное понятие представляет собой общее наименование всех представленных доказательств, но не подразумевает возможности сделать тот или иной вывод, основываясь на них.

Во-вторых, для оценивания всех собранных доказательств в совокупности с точки зрения достаточности необходима оценка каждого доказательства в отдельности. В связи с этим термин *weight of evidence* может обладать и иным значением: оценка конкретного доказательства с точки зрения его убедительности и весомости в рамках судебного процесса. В таком случае, англоязычный термин *weight of evidence* может быть соотнесён с понятием *весомость доказательств* в русском языке. Несмотря на прозрачность мотивировки данного термина и его полное понятийное соответствие термину *weight of evidence* в данном значении, в языке для специальных целей он используется относительно редко, и именно поэтому в переводных источниках предпочтение отдаётся термину *весомое доказательство*:

«Здесь бремя доказывания лежит на органе страхования. Но тяжесть этого бремени сильно уменьшает то, что решение районного суда представляет собой весомое доказательство, способное без дальнейшего исследования и привлечения дополнительной информации зачастую (хотя и не всегда) убедить арбитражный суд в истинности доказательственных и фактических элементов решения» [Комментарий к ст. 69 АПК РФ].

В то же время следует отметить, что термин *весомое доказательство* не соответствует термину *weight of evidence* не только с точки зрения частеречной принадлежности, но и по объёму понятий: англоязычный термин может подразумевать как существенную важность доказательства, так и напротив, его незначительность. Русский же термин уже по объёму и обозначает лишь доказательства, имеющие большую значимость для исхода

судебного разбирательства. Таким образом, в данном случае, мы можем говорить об отношениях включения.

4.2. Частичные понятийные соответствия.

К частичным соответствиям относятся понятия с частичным пересечением объёма и понятия, связанные отношениями включения.

4.2.1 Частичные пересечения объёмов понятий.

Как уже отмечалось выше, различия, наблюдаемые в двух рассматриваемых системах права, настолько существенны, что позволяют осуществлять более дробную классификацию терминов с частичным соответствием. В рамках данного исследования под частичным пересечением объёмов понятий подразумевается общность одной или нескольких сем при различии остальных. Следует отметить, что данная группа понятийных соответствий наименее многочисленна и представлена лишь несколькими терминами. Это связано с тем, что среди частичных соответствий преобладают термины с различным объёмом понятий. Терминов, обладающих равнозначным объёмом, но разных по семантическому наполнению, крайне мало, они представлены не во всех тематических подгруппах, и их примеры представлены ниже.

Пример 11

New evidence: the name given to new material that has come to light after a trial has been conducted and could be the basis for a new trial [Black's Law Dictionary].

Новые доказательства: «при невозможности судебного разбирательства вследствие неявки в судебное заседание кого-либо из вызванных лиц или в связи с необходимостью истребования новых доказательств суд выносит определение или постановление о его отложении на определенный срок. Одновременно принимаются меры по вызову или приводу неявившихся лиц и истребованию новых доказательств» [Ст. 271 УПК РФ].

Несмотря на совпадение ключевой семьи «новый материал» в обоих терминах, наблюдается расхождение в других семах. В то время как оба термина предполагают использование материала, прежде не

задействованного в рамках судебного разбирательства, контекстуальный анализ УПК РФ показывает, что такой материал приобщается к материалам дела в рамках одного и того же судебного процесса. Определение же термина *new evidence* указывает на то, что такие доказательства должны быть получены уже после окончания судебного процесса. Таким образом, принимая во внимание различный порядок истребования подобных доказательств, мы можем говорить о частичном пересечении понятий.

Тем не менее, анализируя термин *new evidence*, мы сталкиваемся с существенными противоречиями словарных определений исходного термина. Так, в дефиниции, приведённой выше, отсутствуют семы, раскрывающиеся в других словарных определениях того же термина:

New **evidence** is a basis for an appeal in some cases where a defendant's rights were violated because important information was not presented for consideration at a hearing. The appellate review seeks to determine whether or not the new evidence presented in the appeal is such that it would have changed the outcome of the original hearing. If so, a new hearing will be scheduled to re-hear the case [USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Из данного определения следует, что получение подобных доказательств может служить поводом не для заведения совершенно нового дела, а исключительно для апелляции по уже завершённому делу. Кроме того, такие доказательства могут быть представлены только стороной защиты и только с оправдательной целью. Помимо прочего, в англосаксонском праве доказательства, заявленные после вынесения вердикта, должны были быть известны уже на этапе судебного разбирательства, однако были проигнорированы судом, что является нарушением прав обвиняемого. Опираясь на данную словарную дефиницию, можно провести параллель с другим частичным соответствием в русском языке – термином *новые обстоятельства*:

Новые обстоятельства: «указанные в части четвертой настоящей статьи обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, устраниющие преступность и наказуемость деяния» [Ст. 413 УПК РФ].

«"Новые" обстоятельства, влекущие возобновление производства по делу, могут появиться и после вступления судебного решения в законную силу. "Новым" обстоятельством может быть постановление Конституционного Суда (п.1 ч.4 ст.413 УПК),

решение Европейского Суда по правам человека (п.2 ч.4 ст.413 УПК) и "иные новые обстоятельства" (п.3 ч.4 ст.413 УПК)» [Комментарий к УПК РФ под ред. И.Л. Петрухина].

Закреплённый в нормативных и доктринальных источниках термин *новые обстоятельства* также включает в себя сему «оправдательный характер», однако в данном случае можно говорить скорее об отношениях включения, поскольку объём понятия в русском языке превышает объём понятия в английском языке из-за большей конкретизации в англоязычной дефиниции: так, определение термина на русском языке, а отличие от английской дефиниции, не ограничивает причины неосведомлённости суда о данных доказательствах в ходе первоначального судебного процесса.

Пример 12

Educating witness: an educating witness teaches the jury or judge about a scientific theory that pertains to the case. This type of witness is only called to give an opinion on the validity of a theory, and on the reliability of scientific instruments and tests. An educating witness must be accredited as an expert witness in his specific field, which requires academic qualifications or specialized training [Legal dictionary [Электронный словарь] URL: <https://legaldictionary.net/witness> (дата обращения: 16.04.17)].

Специалист: незаинтересованное лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию [Ст. 58 УПК РФ].

Термин *educating witness* используется для наименования эксперта, который разъясняет судье или присяжным суть научной теории, относящейся к делу. Такой свидетель вызывается только для того, чтобы высказать своё мнение относительно достоверности теории и надёжности научных методов и анализов. Он должен быть аккредитован в качестве эксперта в своей области, требующей научной квалификации и специальной подготовки.

При анализе определений можно выделить общие семы: *educating witness*, как и специалист представляют собой квалифицированных экспертов в своей области, а также в их полномочия входит разъяснение суду вопросов, связанных с их профессиональной деятельностью. В то же время полномочия специалиста в российском законодательстве несколько шире: он также задаёт вопросы эксперту и участвует в поиске и изъятии доказательств. Принимая во внимание эти различия, мы можем говорить о частичном пересечении понятий *educating witness* и *специалист*.

4.2.2 Отношения включения.

В рамках рассматриваемых терминогрупп неполные соответствия, связанные отношениями включения, являются одной из самых крупных групп терминов. Это явление во многом связано с глубиной научного подхода зарубежных специалистов к исследованию явлений и процессов доказательственного права как части судебного процесса в ангlosаксонском

праве. Недостаточно полное исследование состязательного процесса отечественными правоведами, обусловленное его меньшей значимостью в странах континентального права, приводит к асимметричности родовидового членения большинства терминогрупп и, следовательно, преобладанию понятийных соответствий, характеризующихся различным объёмом понятий.

4.2.2.1. Объём англоязычных понятий превышает объём русскоязычных.

Пример 13

Evidence: information presented in testimony or in documents that is used to persuade the fact finder (judge or jury) to decide the case for one side or the other [United States Department of Justice Legal Terms Glossary [Электронный словарь] URL: <https://www.justice.gov/usao/justice-101/glossary> (дата обращения: 16.04.17)].

Evidence: every type of proof legally presented at trial which is intended to convince the judge and/or jury of alleged facts material to the case [Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Доказательства: любые фактические данные об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разбирательства уголовного, гражданского, арбитражного, конституционного дела, а также дела об административном правонарушении. Содержатся в показаниях, доказательствах вещественных, заключениях экспертов, протоколах и др. [Большой юридический словарь].

Как следует из приведённых определений, в странах общего права понятие *evidence* может иметь несколько значений. Во-первых, данный термин может использоваться для обозначения фактической информации об обстоятельствах дела, рассматриваемого в судебном порядке. В таком случае его можно соотнести с кодифицированным термином *доказательство*, обладающим широкой употребительностью и закреплённым как в нормативных источниках, так и в специализированной литературе. Являясь практически полными понятийными эквивалентами, данные термины отличаются лишь оттенками значения: если термин *evidence* подчёркивает важность такой информации для вынесения вердикта судьёй, то термин *доказательство* более нейтрален и обозначает любые факты, относящиеся к делу.

Во-вторых, термин *evidence* может также обозначать любой (как устный, так и письменный) способ предоставления доказательства в рамках судебного разбирательства. Несмотря на отсутствие в дефиниции соответствующей семьи, на практике русскоязычный термин *доказательство* также широко употребляется для обозначения письменного документа, содержащего важные для судопроизводства сведения:

«Речь идет об объектах, которые являются вещественными или письменными доказательствами, а потому могут потребоваться на последующих стадиях уголовного судопроизводства» [Комментарий к УПК РФ под общ. ред. В.И. Радченко].

Тем не менее, следует отметить, что термин *доказательство*, в отличие от термина *evidence* не может использоваться для обозначения всех способов представления важной фактической информации в суде. Поскольку в российском судопроизводстве большинство доказательств представляется свидетелями в устной форме, в законодательстве закреплён специальный термин – *показания*:

Свидетельские показания: устное сообщение свидетеля обстоятельств, имеющих значение для уголовного или гражданского дела [Большой юридический словарь].

«При этом суд исследует как **свидетельские показания**, так и **письменные доказательства**» [Комментарий к УПК РФ под ред. Д.Н. Козака и Е.Б. Мизулиной].

Поскольку специализированные источники разграничивают понятия *показания* и *доказательства* в связи с их соотнесённостью с устной или письменной речью, данные термины являются полными понятийными соответствиями английским терминам *oral evidence* и *documentary evidence*:

Oral evidence: spoken testimony given by witnesses in court, usually under oath [Collins Dictionary of Law, 2006].

Documentary evidence: any document (paper) which is presented and allowed as evidence in a trial or hearing, as distinguished from oral testimony [Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Таким образом, объём понятия термина *evidence* включает в себя как саму фактическую информацию, так и представленный в суде устный или письменный документ, её содержащий, в то время как русскоязычный термин *доказательства* может обозначать лишь часть значения англоязычного термина. Это позволяет сделать вывод о различии в объеме значения

рассматриваемых терминов и отнести их к частичным понятийным эквивалентам. Говорить о полном понятийном соответствии терминов *evidence* и *доказательства* не представляется возможным.

Пример 14

Testimony: statements made by competent witnesses, who have been sworn in at a trial or deposition or in an affidavit [Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 26.03.17)].

Свидетельские показания: устное сообщение свидетеля обстоятельств, имеющих значение для уголовного или гражданского дела [Большой юридический словарь].

Как следует из определения, оба термина обнаруживают общность главной семы – «показание, данное свидетелем». Тем не менее, дальнейший семантический анализ позволяет выявить конкретизирующие семы, присутствующие в русском термине *свидетельские показания* и существенно сокращающие объём понятия. Так, например, термин *testimony* включает в себя показания, данные как в устном, так и в письменном виде, в то время как терминокомпонент «показания» подразумевает лишь сведения, сообщённые суду в устной форме, и в специальной литературе противопоставляется письменным доказательствам:

«При этом суд исследует как свидетельские показания, так и письменные доказательства» [Комментарий к УПК РФ под ред. Д.Н. Козака и Е.Б. Мизулиной].

Кроме того, российское законодательство разграничивает процессуальную роль свидетелей, экспертов и специалистов, в то время как в англосаксонской правовой системе всех перечисленных участников судебного процесса можно отнести к свидетелям. Анализ англоязычной специализированной литературы показал, что термин *testimony* может употребляться как в отношении показаний свидетеля-непрофессионала, так и в отношении показаний свидетелей-экспертов:

In some cases, courts may have to hear **expert testimony** before taking notice, where a scientific fact or principle proves complicated [Ingram, Jefferson. Criminal evidence, 2009].

Таким образом, термины *testimony* и *свидетельские показания* могут считаться переводческими эквивалентами только в том случае, если они

относятся к показаниям, данным неспециалистом и исключительно в устной форме. С точки зрения понятийного соответствия, мы можем говорить об отношениях включения.

Пример 15

Witness: a person who testifies under oath in a trial (or a deposition which may be used in a trial if the witness is not available) with first-hand or expert evidence useful in a lawsuit [Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 26.03.17)].

Свидетель: лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний [Ст. 56 УПК РФ].

Как в русском, так и в английском языке, различий в значении терминов с точки зрения уголовного и гражданского судопроизводства не наблюдается. Как следует из определения, английский термин шире по значению и включает себя также экспертов, представляющих в суде своё заключение. Такое расхождение обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. В системе общего права принято более дробное деление свидетелей в соответствии с даваемыми ими показаниями, поэтому в английском языке термин *witness* является родовым понятием для целого ряда других терминов, в число которых входят и эксперты. Для континентальной системы права такая детальная классификация нехарактерна, поэтому всех людей, дающих показания в суде, мы можем условно отнести либо к свидетелям, либо к экспертам и специалистам. В русском языке *свидетель*, в отличие от английского *witness*, не может считаться ядром отдельного иерархически структурированного микрополя и включать в себя свидетелей-экспертов. Именно поэтому можно говорить о меньшем объёме понятия *свидетель* по сравнению с английским термином *witness* и, как уже было сказано выше, проводить параллель между понятиями *свидетель* и *lay witness*.

Пример 16

Expert witness: a witness who has knowledge beyond that of the ordinary lay person enabling him/her to give testimony regarding an issue that requires expertise to understand. Experts are allowed to give opinion testimony which a non-expert witness may be prohibited from testifying to. In court, the party offering the expert must lay a foundation for the expert's testimony [USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Эксперт: незаинтересованное лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК, для производства экспертизы и дачи заключения, имеющего значение доказательства [Ст. 57 УПК РФ].

Специалист: незаинтересованное лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию [Ст. 58 УПК РФ].

В российском законодательстве специалист, в отличие от эксперта, не проводит исследований и не составляет документов. Деятельность экспертов и специалистов отличаются формой участия («эксперты назначаются для проведения экспертиз, специалисты же привлекаются для поиска, закрепления и изъятия доказательств, а также для разъяснения остальным участникам процесса технических нюансов, составляющих его профессиональные знания») и полномочиями («эксперт обладает правом проведения экспертизы, а специалист лишь может ставить вопросы и разъяснять участникам процесса вопросы, которые входят в его компетенцию») [Чем отличается эксперт от специалиста? [Электронный ресурс] URL: <http://thedifference.ru/chem-otlichaetsya-ekspert-ot-specialista> (дата обращения: 23.04.17)].

В ангlosаксонском праве свидетель-эксперт – это человек, имеющий специализированные знания и навыки, необходимые для судебного разбирательства. Свидетели-эксперты помогают анализировать научные данные или предоставляют судье и присяжным результаты исследований. Во время перекрёстного допроса, эксперту могут задать вопросы о его знаниях, навыках, компетенции и опыте работы.

В английской терминосистеме понятие *expert witness* является родовым понятием для других терминов и включает в себя всех участников процесса, обладающих специальными знаниями и представляющих свои показания в суде. В целом, мы можем говорить о том, что понятие *expert witness* включает в себя как объём русскоязычного понятия *эксперт*, так и объём термина *специалист*. Это позволяет говорить о асимметрии в объемах понятий, кажущихся на первый взгляд полными соответствиями.

Пример 17

Deposition: the testimony of a witness taken upon interrogatories, not in open court, but in pursuance of a commission to take testimony issued by a court, or under a general law on the subject, and reduced to writing and duly authenticated, and intended to be used upon the trial of an action in court [Black's Law Dictionary].

Допрос в ходе досудебного производства: «Показания свидетеля – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 187 - 191 и 278 настоящего Кодекса» [Ст. 79 УПК РФ].

Предварительный опрос свидетелей: «для адвоката-защитника иметь право на такой предварительный опрос очень важно, поскольку позволяет до заявления ходатайства о допросе лица в качестве свидетеля, убедиться, какие показания лицо может и собирается дать, возможно ли путем перекрестного допроса показать суду, что свидетель обвинения лжет, не приведет ли его допрос к ухудшению положения подзащитного, да и просто составить впечатление о свидете, о его личностных и психологических особенностях, о том, как лучше его допрашивать в суде или лучше вообще огласить показания свидетеля» [Леонтьев А.В. Участие адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам].

Термин *deposition* обозначает как сам процесс предварительного опроса свидетелей, так и полученный в его результате письменный документ, который затем приобщается к материалам дела в ходе судебного производства. В российском законодательстве закреплён термин, обозначающий процесс такого опроса – *допрос в ходе досудебного производства*. В специализированной литературе, как отечественной, так и переводной, также используется термин *предварительный опрос свидетелей*. Как первый, так и второй термин по объему значения меньше термина на английском языке, поскольку не могут обозначать показаний свидетелей, полученных в ходе такого допроса и зафиксированных в письменной форме.

Пример 18

Suppression of evidence: destruction, withholding or concealment, refusal to hand over evidence in your possession that you know you are morally or legally bound for you to reveal [Black's Law Dictionary].

Термин *suppression of evidence* обладает большим объёмом и включает в себя целый ряд преступных действий по отношению к доказательствам. Целью использования этого коллективного наименования заключается, прежде всего, в лаконичности формулировки выносимого решения, поскольку вердикт, вынесенный судом ранее, признаётся недействительным при установлении любого из перечисленных в определении термина действий. Обобщённое название сразу нескольких деяний позволяет получить более универсальную мотивировку для отмены решения.

Российская правовая система отличается большей терминологической конкретизацией и практически полным отсутствием понятий, обобщающих сразу несколько преступных деяний, именно поэтому при наличии терминов, обозначающих каждое из вышеперечисленных действий по отдельности, в юридической терминологии отсутствует понятие, обобщающее их:

«Тем самым пресекается деятельность обвиняемого, направленная на **сокрытие, уничтожение** или фальсификацию доказательств, создаются условия для обнаружения доказательств, находящихся при обвиняемом, в его жилище и т.д.» [Комментарий к УПК РФ под общ. ред. В.И. Радченко].

«**Отказ от дачи показаний** может проявляться в различных формах: **умалчивание** о наиболее существенных обстоятельствах дела; нежелание дать требуемые от него показания; **уклонение** от ответов на вопросы» [Комментарий к УПК РФ под ред. В.К. Дуюнова и др.].

Термины *сокрытие доказательств, уничтожение доказательств, отказ от дачи показаний, умалчивание и уклонение* являются, как и многие другие термины правового терминополия в русском языке, мотивированными, поэтому их значение очевидно, а, следовательно, необходимость в отдельной дефиниции отсутствует. Каждый из этих терминов является частичным понятийным эквивалентом английскому термину *suppression of evidence*, поскольку обозначает одно из преступных деяний, обозначаемых

обобщённым понятием *suppression of evidence*. Таким образом, мы можем говорить о несовпадении объёмов понятий: объём английского понятия шире и представляет собой сумму значений нескольких понятий в русском языке.

4.2.2.2. Объём русскоязычных понятий превышает объём англоязычных.

Пример 19

Best evidence: an original document or object offered as proof of a fact in a lawsuit as opposed to a photocopy of, or other substitute for, the item or the testimony of a witness describing it [West's Encyclopedia of American Law].

Firsthand evidence: firsthand evidence refers to something which the witness actually saw or heard, as distinguished from something he learned from some other person or source [USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 26.03.17)].

Первичное доказательство: «в этом смысле теория процесса делит доказательства на первичные, получаемые из первоисточника (свидетель лично наблюдал факт; документ устанавливает факт), и вторичные, получаемые из вторых рук (свидетель слышал о факте; копия документа, подтверждающего факт), и рекомендует суду пользоваться более достоверными, первичными доказательствами, а вторичными лишь тогда, когда нет возможности добыть первичное доказательство» [В.Н. Бибило. Правовое регулирование допустимости доказательств в уголовном процессе].

Как следует из приведённых определений, оба английских термина используются для обозначения доказательств, полученных из первоисточника. Различие между ними заключается в том, что термин *best evidence* относится исключительно к физическим объектам, т.е. вещественным доказательствам, в то время как термин *firsthand evidence* относится к показаниям свидетелей, данным в устной форме. В связи с отсутствием дробной классификации доказательств в российской правовой системе, в русском языке нет эквивалентов данным терминам по отдельности, однако термин *первичное доказательство*, закреплённый в ЯСЦ, используется для обозначения как устных показаний, основанных на информации из первоисточника так и оригинальных вещественных доказательств. Таким образом, термин *первичное доказательство*, включающий в себя объём сразу двух англоязычных терминов (*best evidence* и *firsthand evidence*), может служить примером понятийных соответствий, в которых объём русскоязычных понятий превышает объём англоязычных.

Пример 20

Surprise witness: "...The defense attorney is putting on his witnesses, and now, he finishes with his last witness and he turns to the judge and says, "Your Honor, at this time I call a **surprise witness**." I turn around and say, "Objection. Judge, he didn't let us know he was bringing in a **surprise witness**". [Defense calls surprise witness at last minute. Can he testify at trial? [Электронный ресурс] URL: <http://www.oginski-law.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Новый свидетель: «Кроме того, по ходатайствам, заявленным в предварительном слушании государственным обвинителем, потерпевшим, обвиняемым и его защитником, судья после выяснения мнения сторон может принять решение о вызове в судебное заседание **новых свидетелей**, экспертов и специалистов, об истребовании и приобщении к делу вещественных доказательств и документов, об изменении обвиняемому меры пресечения, о гражданском иске и мерах его обеспечения, а также о производстве экспертизы» » [М.Ю. Медведев. Уголовный процесс, 1999].

В судебных процессах США и Великобритании стороны могут вызвать нового, неожиданного свидетеля, обладающего неизвестными ранее сведениями, однако развитая система досудебного раскрытия доказательств, существующая в настоящее время, делает подобные ситуации крайне редкими. Хорошие адвокаты уже до начала судебного заседания знают, какие свидетели будут выступать, что они будут говорить, и какие вещественные и документальные доказательства будут представлены суду или присяжным. Тем не менее, вызов такого свидетеля может быть и частью стратегии адвоката, не желающего выдавать информацию о найденных им свидетелях другой стороне.

Словосочетание *неожиданный свидетель*, предложенное англо-русскими переводными словарями для перевода английского термина *surprise witness*, не кодифицировано и практически встречается в русскоязычной специализированной литературе, однако термин *новый свидетель* включает в себя основную сему термина *surprise witness* (не заявленность свидетеля после этапа предварительного расследования). Тем не менее, отсутствие конкретизирующей семы (умышленная неожиданность для противоположной стороны) позволяет говорить о различных объемах рассматриваемых терминов.

Пример 21

Privileged communication: Privileged communications are statements and conversations made under confidential circumstances which cannot be compelled as evidence in court [USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Conversation that takes places within the context of a protected relationship, such as that between an attorney and client, a husband and wife, a priest and penitent, and a doctor and patient [The ‘Lectric Law Library’s Lexicon [электронный ресурс] URL: www.lectlaw.com (дата обращения: 26.03.17)].

Конфиденциальная информация: «Видами конфиденциальной информации являются служебная, коммерческая, врачебная, семейная, личная, а также профессиональная тайна (судебная, адвокатская, депутатская, медицинская, нотариальная)» [Комментарий к УПК РФ под общ. ред. В.И. Радченко].

В англосаксонском праве существует целый ряд обстоятельств, позволяющих участнику дела не разглашать известную им информацию. Так, например, суд не имеет права требовать раскрытия сведений, полученных в частной беседе между супругами, в ходе работы адвоката с его клиентом, а также на исповеди. В УПК РФ для обозначения таких сведений закреплён термин *конфиденциальная информация*. Тем не менее, несмотря на то, что данный термин может употребляться и употребляется по отношению к описанным выше сведениям, объём этого термина в правовом контексте гораздо шире. Обратимся к указу Президента РФ от 6 марта 1997 г. N 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера». Данный указ устанавливает типы конфиденциальной информации и подразделяет сведения конфиденциального характера на четыре группы:

1. Сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни граждан, позволяющие идентифицировать их личность (персональные данные).
2. Сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства.
3. Служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом РФ и федеральными законами (служебная тайна).
4. Сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами (врачебная тайна, нотариальная тайна, адвокатская тайна, тайна исповеди).

Сведения, обозначаемые английским термином *privileged communication*, могут быть соотнесены с первой группой (информация, раскрытая в частной беседе супругов) или с четвёртой (сведения, полученные адвокатом от своего клиента, врачом от пациента или в ходе исповеди). Тем не менее, английский термин, в отличие от русского, не может быть использован для обозначения сведений, попадающих во вторую и третью группы, поэтому можно сделать вывод о существенной разнице в объёме понятий.

Пример 22

Objection: a formal attestation or declaration of disapproval concerning a specific point of law or procedure during the course of a trial; a statement indicating disagreement with a judge's ruling [West's Encyclopedia of American Law].

Ходатайство: официальная просьба о совершении процессуальных действий или принятия решений, обращенное к органу дознания, следователю, прокурору или суду [Комментарий к ст. 119 УПК РФ под общ. ред. В.И. Радченко].

Жалоба: обращение участника процесса в соответствующий орган или к соответствующему должностному лицу по поводу нарушения прав и охраняемых законом интересов [Законы России [электронный ресурс] URL: <http://zakoniros.ru> (дата обращения: 07.05.17)].

Как в англосаксонском, так и в континентальном праве участники процесса имеют право высказывать замечания относительно допустимости представляемых доказательств и предъявлять требования к их изъятию из материалов дела. В американском судопроизводстве такие замечания могут быть сделаны как в устной (в ходе слушания), так и в письменной форме (до начала процесса, опираясь на материалы предварительного расследования). Термин *objection* закреплён в нормативных и научных англоязычных источниках для обозначения обоих видов замечаний.

В российском законодательстве (раздел V УПК РФ) закреплены два термина, обозначающих, на первый взгляд, сходные понятия: *жалоба* и *ходатайство*. Несмотря на то, что дефиниция первого термина подразумевает возможность использования жалобы для оспаривания допустимости доказательства, контекстуальный анализ показывает, что в таком значении термин не употребляется ни в нормативных, ни в

доктринальных источниках, что не позволяет считать данный термин понятийным соответствием термина *objection*. Кроме того, в российском судопроизводстве жалоба может быть подана не только одной из сторон процесса, но и любым другим его участником, считающим, что в процессе нарушены его права и законные интересы.

Обратимся к термину *ходатайство*. УПК РФ регулирует процесс судопроизводства, в том числе устанавливая порядок подачи ходатайств и их рассмотрения. Статьи 88 и 335 УПК РФ свидетельствуют о том, что случае, если одна из сторон стремится доказать недопустимость представленного доказательства, её заявление является ходатайством:

«Суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном статьями 234 и 235 настоящего Кодекса» [Ст. 88 УПК РФ].

«Судья по собственной инициативе, а также по ходатайству сторон исключает из уголовного дела доказательства, недопустимость которых выявились в ходе судебного разбирательства» [Ст. 335 УПК РФ].

Следует, однако, отметить, что термин *ходатайство* используется для обозначения любых просьб и требований, обращённых к суду, и не всегда подразумевает протест против нарушения прав и законных интересов участников судопроизводства. Так, например, ст. 271 УПК РФ, помимо ходатайств об исключении незаконно полученных доказательств, перечисляет и другие виды доказательств, которые не могут быть обозначены английским термином *objection*:

«Председательствующий опрашивает стороны, имеются ли у них ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов или об исключении доказательств, полученных с нарушением требований настоящего Кодекса» [Ст. 271 УПК РФ].

Таким образом, объём понятия *ходатайство* в русском языке превышает объём понятия *objection* в английском, что говорит о рассматриваемых терминах как о частичных понятийных соответствиях.

4.3. Безэквивалентные термины и понятийные лакуны.

Поскольку в российской системе права показания не подлежат детальной классификации, большое количество англоязычных терминов не имеют эквивалентов в русском языке и допускают только описательный перевод. В связи с существенными различиями в рассматриваемых правовых системах, изучаемые понятийные терминогруппы характеризуются значительной асимметрией и наличием понятийных лакун. Большую часть таких лакун составляют термины, обозначающие субстрат, характерный для ангlosаксонского права, но отсутствующий в континентальном праве.

Пример 23

Fruit of the poisonous tree doctrine: the doctrine that evidence discovered due to information found through illegal search or other unconstitutional means (such as a forced confession) may not be introduced by a prosecutor [Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 26.03.17)].

Доктрина «плодов отравленного дерева»: «Одно [направление] основано на безусловной недопустимости доказательства при любом нарушении закона, получившее заимствованное из американской практики образное название «плодов отравленного дерева» [В. Н. Бибило. Правовое регулирование допустимости доказательств в уголовном процессе, 2011].

Данная доктрина появилась из прецедентной практики США в 1920-х гг. Суть доктрины можно резюмировать цитатой из решения Верховного суда: «Содержание положения, запрещающего получать доказательства тем или иным способом, заключается в том, что не только доказательства, полученные незаконным путем, не могут использоваться в нашем Суде, но такие доказательства использовать не могут вообще» [Silverthorne Lumber Co. v. United States, 251 U.S. 385, 392 (1920); Nardone v. United States, 308 U.S. 338 (1939)]. Иными словами, выводы, сделанные на основе недопустимых доказательств, являются также недопустимыми.

Использование данной доктрины в российском праве является предметом споров, поскольку, в отличие от уголовного права США, доктрина «плодов отравленного дерева» российским законодательством не закреплена. Тем не менее, отечественные правоведы неоднократно обращали внимание на рассматриваемую доктрину. Так, согласно С.А. Шейферу, «если доказательство получено незаконным способом и вследствие этого вызывает

сомнение в своей достоверности, сомнительными, а значит, недопустимыми, станут и другие доказательства, полученные в результате исследования первого» [Шейфер, С.А. Законность способа получения предметов и документов как фактор их допустимости].

Несмотря на то, что доктрина «плодов отравленного дерева» не закреплена законодательно, схожие принципы анализа доказательств имеют место в российском судопроизводстве. Так, в ходе одного дела, рассматриваемого судом челябинской области, суд признал недопустимым доказательством протокол личного досмотра с последующим изъятием вещей у потерпевшей в связи с тем, что процедура личного досмотра на деле представляла собой процедуру выемки. Заключение эксперта о повреждениях на изъятых вещах было затем также признано недопустимым, в связи с недопустимостью процедуры изъятия.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии в российском судопроизводстве субстрата, обозначаемого в английской юридической терминосистеме термином *fruit of the poisonous tree doctrine*, однако в связи с отсутствием кодифицированной терминологической единицы, обозначающей данное понятие в русском языке, и наличием терминологического соответствия, используемого исключительно для характеристизации доктрины ангlosаксонского права, можно говорить о рассматриваемом термине как о безэквивалентном.

Пример 24

К безэквивалентным терминам можно также отнести и специфические для английского языка понятия *hostile witness*, *adverse witness* и *unfavourable witness*. Данные три термина синонимичны и отличаются частотностью (*hostile witness* самый широко употребительный) и страной применения (*unfavourable witness* употребляется преимущественно в австралийском английском).

Hostile witness: technically an "adverse witness" in a trial who is found by the judge to be hostile (adverse) to the position of the party whose attorney is questioning the witness, even

though the attorney called the witness to testify on behalf of his/her client [Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Если свидетель, принявший присягу, отказывается говорить правду или даёт показания, противоречащие заявлениям, сделанным им до начала судебного разбирательства, адвокат может попросить судью объявить его враждебным свидетелем. Если судья удовлетворяет просьбу, адвокату разрешается задавать наводящие вопросы, которые иначе разрешены только в рамках перекрёстного допроса, когда сторона обвинения допрашивает свидетелей защиты и наоборот. Поскольку в российском судопроизводстве вопросы, задаваемые свидетелю, не ограничены рамками прямого и перекрёстного допроса, необходимость аналогичного термина в русском языке отсутствует.

Пример 25

Character witness: a person who testifies in a trial on behalf of a person (usually a criminal defendant) as to that person's good ethical qualities and morality both by the personal knowledge of the witness and the person's reputation in the community [Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Термин *character witness* обозначает лицо, которое в ходе судебного разбирательства даёт показания о личности человека, как правило, обвиняемого в уголовном преступлении, с точки зрения нравственности и этических норм, опираясь как на личные сведения, так и на репутацию обвиняемого в обществе. Такие показания в первую очередь актуальны, когда стороне защиты необходима положительная характеристика обвиняемого, особенно в большинстве уголовных дел и гражданских дел, таких как мошенничество. В русском языке не существует термина, обозначающего такого свидетеля, поэтому в случае необходимости используется описательный перевод «*свидетель, дающий показания о чьей-либо репутации*».

Пример 26

Rebuttal witness: a witness who is called to rebut testimony already presented [USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 16.04.17)].

В странах общего права термином *rebuttal witness* обозначается свидетель, который призван опровергнуть уже представленные показания. Например, в деле об убийстве сторона защиты может вызвать свидетеля для предоставления доказательств о том, что обвиняемый скромный и хорошо воспитанный молодой человек. Такого свидетеля справедливо назвать *character witness*. Если затем прокурор вызовет свидетеля, который предоставит доказательства того, что обвиняемый был злым, жестоким и несдержаным, такой свидетель будет называться *rebuttal witness*. В русском языке соответствующий термин отсутствует, поэтому английский термин переводится описательно: «*свидетель, вызванный для опровержения доказательств*».

Пример 27

Alibi witness: a witness who testifies in support of a defendant's allegation that he or she was somewhere other than at the scene of the crime at the time it occurred [Wex Legal Dictionary [Электронный словарь] URL: <https://www.law.cornell.edu/wex> (дата обращения: 16.04.17)].

Описательно переводится и *alibi witness*, т.е. свидетель, который предоставляет доказательства в поддержку того, что ответчик или обвиняемый не находился на месте преступления в момент его совершения. Хотя в юридической терминосистеме русского языка присутствует термин алиби, являющееся полным эквивалентом английского термина *alibi*, он никогда не употребляется для характеристики свидетеля.

Пример 28

Hearsay witness: a person who testifies about what someone else told him, or what someone else said, wrote, or did [Legal dictionary [Электронный словарь] URL: <https://legaldictionary.net/witness> (дата обращения: 16.04.17)].

Hearsay witness является термином, не имеющим понятийного соответствия в русском языке. В английской терминосистеме данный термин

означает свидетеля, дающего показания с чужих слов, т.е. делающего заявление о каком-либо событии, не имея о нём личного представления. Чаще всего, такие показания основаны на том, что свидетель услышал от другого лица вне судебного заседания. Такие показания не могут быть приобщены к делу в качестве доказательства. В ст. 75 УПК РФ находим следующую формулировку: «показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности». Полагаем, что именно это развернутое описание следует использовать при переводе на русский язык безэквивалентного термина *hearsay witness*.

Пример 29

Исключительным случаем в терминогруппе “*types of witnesses*” является термин *silent witness*, который употребляется в специальной литературе в отношении не живого свидетеля, а вещественного доказательства, приобщённого к делу (например, документу или видеозаписи). Термин стал использоваться в специализированной литературе в связи с теорией, получившей название *silent witness theory*:

Under the **silent witness theory**, when an adequate foundation is provided to assure the accuracy of the process producing a photograph, the photograph can be admitted to speak for itself, even though no witness has vouched for its accuracy [USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Согласно этой теории, такие вещественные доказательства как фотографии и видеозаписи могут быть признаны доказательствами свидетеля, подтверждающего его подлинность. Эта теория основана на том, что фото- и видеоматериалы сами по себе достаточно надёжны для того, чтобы быть приобщёнными к делу в качестве доказательств, и может быть использована для того, чтобы приобщить такие материалы к делу в случае если судья признает их достаточно надёжным источником. Для того, чтобы получить статус вещественного доказательства, такие «безмолвные свидетели» не должны иметь следов обработки или монтажа, а качество

записи не должно вызывать вопросов относительно правдивости доказываемого.

Пример 30

Competent witness: a person who is legally qualified to testify as a witness. Legal qualification may depend on the witness's age, mental capacity, and relationship to the matter at issue [NOLO [Электронный словарь] URL: <http://www.nolo.com/> (дата обращения: 26.03.17)].

Компетентный свидетель: «по общему правилу супруг обвиняемого не является компетентным свидетелем обвинения, но является компетентным свидетелем защиты. Иными словами, супруг обвиняемого всегда может быть свидетелем защиты, но не может быть свидетелем обвинения» [Адвокатская практика. [Электронный журнал]. Сб. номеров 2002-2006].

По допустимости показаний свидетели в странах общего права подразделяются на *competent witness*, чьи показания принимаются в суде, и *incompetent witness*, чьи показания не могут быть приобщены к делу. Любое лицо признается компетентным давать свидетельские показания, «если только, по мнению судьи, оно вследствие юного возраста, нетрезвого состояния или психического заболевания не лишено способности понимать значение присяги или свою обязанность говорить правду, или способности давать разумные показания» [Уилшир 1947]. Вопрос допустимости свидетеля решается судьёй в каждом отдельном случае в рамках открытого судебного заседания. В критерии компетенции свидетеля могут входить возраст, умственные способности, а также способность понимать характер и обязанность клятвы. Эксперты также должны обладать специальными знаниями в определённой области. В странах общего права компетентность также может быть связана с процессуальной ролью свидетеля. Так, например, обвиняемый не может быть компетентным свидетелем обвинения.

В правовой терминологии русского языка не закреплены специальные термины для классификации свидетелей по этому параметру. Термин *компетентный свидетель* используется в доктринальных источниках для описания реалии ангlosаксонского права.

Нормативные источники (ст. 56 УПК РФ) запрещают к вызову в качестве свидетеля лишь тех лиц, которым стали известны подробности дела лишь в связи с их должностными обязанностями (судьи, адвокаты, священнослужители, депутаты Государственной Думы, сотрудники налоговых органов, третейские судьи) и только в том случае, если их показания основаны на информации, раскрытоей им в рамках их служебной деятельности (в ходе допроса, производства по делу, оказания юридической помощи, на исповеди и т.д.). Таким образом, мы можем говорить о том, что российское законодательство не ограничивает ряд потенциальных свидетелей, а скорее контролирует даваемые ими показания. Именно поэтому в случае с компетентными свидетелями, имеющими место в общем праве, мы можем говорить о понятийной лакуне (в отличие от *(не)допустимых доказательств – (in)competent evidence*).

Пример 31

Material witness: a person who apparently has information about the subject matter of a lawsuit or criminal prosecution which is significant enough to affect the outcome of the case or trial [Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 16.04.17)].

Терминокомпонент *material* в рамках юридической терминологии означает объект, имеющий особое значение для гражданского или уголовного процесса. Показания такого свидетеля играют большую роль для исхода дела, и потому суд прилагает все усилия, чтобы обеспечить его явку. Если такой свидетель скрывается в попытке избежать дачи показаний, суд может выдать ордер, чтобы лицо было задержано и допрошено. Понятие *material witness* не имеет аналогов в русскоязычной терминосистеме. В специализированной литературе можно встретить понятие *важный свидетель*, однако данное словосочетание не является терминологической единицей:

«Особая сложность уголовного дела должна быть мотивирована в постановлении о возбуждении ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей и может состоять в следующем: <...> нахождение **важных свидетелей** за пределами Российской Федерации и необходимость принятия мер по их вызову для проведения следственных действий в России...» [Комментарий к ст. 109 УПК РФ].

Пример 32

A **reporting witness** is called to testify after the educating witness has completed his testimony. Reporting witnesses are often technicians or other individuals who actually conducted certain tests on evidence, such as DNA, or other scientific evidence. The reporting witness describes the actual test, and the results obtained [Legal dictionary [Электронный словарь] URL: <https://legaldictionary.net/witness> (дата обращения: 16.04.17)].

В англосаксонской системе права эксперты, входящие в терминогруппу «свидетель», могут быть подвергнуты дальнейшей классификации. Так, выделяют эксперта, который разъясняет судье или присяжным суть научной теории (*educating witness*) и является участником процесса, сходным по своим должностным обязанностям со *специалистом* в российском судопроизводстве. Однако вслед за таким экспертом для дачи показаний в судах США и Великобритании может быть вызван свидетель-эксперт, именующийся в английской юридической терминосистеме термином *reporting witness*. Этот тип свидетелей часто представлен лаборантами или другими лицами, непосредственно проводившими определённые исследования доказательств (например, тест ДНК). Такой эксперт описывает ход проведения исследования и оглашает полученные результаты. Термин *reporting witness* не имеет эквивалента в русском языке и может быть переведён с помощью приёма генерализации.

Пример 33

Preponderance of evidence: the standard of proof in civil cases, demanding that the case that is the more probable should succeed [Collins Dictionary of Law, 2006].

Beyond a reasonable doubt: this standard of proof is used exclusively in criminal cases, and a person cannot be convicted of a crime unless a judge or jury is convinced of the defendant's guilt beyond a reasonable doubt. Precisely, if there is any reasonable uncertainty of guilt, based on the evidence presented, a defendant cannot be convicted [USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 26.03.17)].

Англосаксонская система права характеризуется развитой системой доказывания, в рамках которой распространено применение так называемых стандартов доказывания, которые представляют собой объективные критерии для оценивания доказательств и последующего установления обстоятельств

дела. Два наиболее широко применяемых в США и Великобритании стандарта – *preponderance of evidence* и *beyond a reasonable doubt* – применяются для разрешения гражданских и уголовных дел соответственно.

Стандарт «перевес доказательств» заключается в оценивание весомости представленных доказательств и определении, какая сторона смогла представить суду более убедительные доказательства. При этом, в рамках гражданского процесса, доказательства не обязательно должны быть абсолютно убедительными: даже небольшой перевес определяет исход судебного разбирательства. Использование такого стандарта обеспечивает равенство сторон и справедливость состязательного процесса, а также существенно сокращает вероятность судебной ошибки.

Стандарт «за пределами разумных сомнений» характерен для уголовного судопроизводства и практически не применяется для разрешения гражданско-правовых споров. Связано это с тем, что данный стандарт выдвигает максимально высокие требования к оцениванию весомости доказательств, поскольку в уголовном деле последствия судебной ошибки могут носить поистине роковой характер. Применения такого стандарта и максимальная строгость в оценивании доказательств позволяет снизить риск ошибочного риска практически до нуля.

В России, как и в странах европейско-континентальной системы, система стандартов доказывания отсутствует. Правоведы отмечают, что ещё с XIXв. для российского права характерным является принцип, согласно которому окончательный вердикт должен выноситься на основании свободной оценки доказательств и внутреннего убеждения судьи. Результатом судебных разбирательств при отсутствии чётких стандартов может стать решение, принятое на основании эмоций, личных симпатий к одной из сторон или иных соображений, не имеющих отношения к праву. Именно поэтому многие специалисты в области права высказываются в пользу введения стандартов оценивания доказательств и в России, однако до тех пор, в случае со стандартами оценивания, мы говорим о понятийной лакуне. Тем

не менее, в связи с большим количеством переводной литературы и широкой осведомлённости о подобных стандартах в правовой сфере, в русском ЯСЦ закрепились переводные аналоги – *перевес доказательств* и *за пределами разумных сомнений*:

«В США же судья дает присяжным весьма подробные инструкции относительно того, в соответствии с какими стандартами они должны оценивать доказательства. Существуют два основных стандарта: «за пределами разумных сомнений», применяемый в уголовных делах, и «перевес доказательств», применяемый в гражданско-правовых спорах» [С.Л. Будылин. Тезисы к научному круглому столу Юридического института «М-Логос» по теме «Проблемы доказывания в гражданском и арбитражном процессе»].

Выводы по главе II

В ходе исследования были сформированы терминогруппы “*evidence*” и “*доказательство*”, в которые вошли порядка 300 терминов на русском и английском языках. В рамках данных терминогрупп были затем сформированы полевые структуры и выделены тематические подгруппы. Следует отметить, что терминогруппа “*evidence*” в английском языке несравненно больше соответствующей терминогруппе в русском языке и обладает значительно более развитой структурой. Так, исследование семантических связей, объединяющих терминологические единицы терминогруппы в английском языке, позволило объединить их в пять подгрупп, в соответствии с их тематическими характеристиками: “*processing evidence*”, “*admission of evidence*”, “*weight of evidence*”, “*types of evidence*”, “*types of witnesses*”. Вместе с тем, в русском языке представляется возможным выделить лишь одну тематическую подгруппу «виды доказательств». Существенная разница в терминологии доказательственного права обусловлена фундаментальными различиями в судопроизводстве в странах континентального и ангlosаксонского права.

В практической части данного исследования было подробно проанализировано 33 понятия, обозначаемых одним или несколькими терминами. В связи с более развитой системой доказательственного права в странах общего права, практически все английские термины кодифицированы и имеют одну или несколько полноценных дефиниций.

Терминологические единицы русского языка либо обладают прозрачной мотивировкой и не нуждаются в дефинитивном анализе, либо сопровождаются дефинирующим контекстом, извлечённым из специальной литературы.

Наибольшая доля собранных терминов относится к категории безэквивалентной лексики или представляет собой понятийные лакуны. Это обусловлено прежде всего существенной разницей в объёме и глубине исследования сферы доказательного права в России и США. Так, например, практически вся подгруппа “*types of witnesses*”, как и микрогруппа “*admission of evidence*” представлена безэквивалентной лексикой. В связи с отсутствием стандартов доказывания в российском законодательстве, отсутствует и необходимость оценивания весомости представленных в ходе судебного разбирательства доказательств, а соответственно, микрогруппа “*weight of evidence*” преимущественно представлена понятийными лакунами.

Немалую часть составляют и полные и условно полные понятийные соответствия, что обусловлено, несомненно, принятыми на международном уровне и повсеместно применимыми принципами правосудия, включающими право предоставлять собранные доказательства в суде. Тем не менее, зачастую в таких парах терминов наблюдаются незначительные различия, обусловленными процессуальными нормами той или иной страны. В рамках данной работы несущественные различия во внимание не принимались.

Наконец, в ходе исследования были выявлены и частичные понятийные соответствия, условно подразделённые по объёму понятий на соответствия, равноценные по объёму, но имеющие семантические различия (частичные пересечения объёмов понятий), и соответствия, характеризующиеся отношениями включения (объём англоязычного термина превышает объём русскоязычного и наоборот). В терминогруппах “*evidence*” и «доказательство» неполные соответствия, связанные отношениями включения, занимают значительное место. Недостаточно полное исследование сферы доказательственного права, обусловленное его меньшей

значимостью в России, приводит к асимметричности родовидового членения большинства терминогрупп и, следовательно, преобладанию понятийных соответствий, характеризующихся различным объёмом понятий.

Заключение

В то время как юриспруденция как общественное явление характерно для любой страны и культуры, более узкая сфера доказательственного права характеризуется различной степенью изученности и разработанности в странах континентального и ангlosаксонского права. Именно поэтому сфера доказательственного права представляет большой интерес для исследования.

В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ понятий доказательственного права России и США, результаты которого подтвердили предположение о значительном влиянии экстралингвистических факторов на развитие данной терминосферы. Несмотря на укоренившуюся в последние годы тенденцию к глобализации права, национально-культурные особенности правовой сфере по-прежнему играют важную роль в формировании терминологии, в связи с чем различия между терминосистемами в странах с разными системами права очень велика. В результате исследования была получена общая картина понятийных соотношений терминологических единиц, входящих в состав терминогрупп “*evidence*” и «доказательство», выявлены их сходства и различия, а также лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на понятийную асимметрию.

В ходе исследования было выявлено 217 единиц на английском языке, входящих в состав терминогруппы “*evidence*”. Исследование семантических связей, объединяющих выделенные термины, а также выявление общих и дифференциальных семантических компонентов терминологических единиц позволило объединить их в пять подгрупп, в соответствии с их тематическими характеристиками: “*processing evidence*”, “*admission of evidence*”, “*weight of evidence*”, “*types of evidence*”, “*types of witnesses*”. Всего было проанализировано 300 единиц на русском и английском языках. Полученные межъязыковые понятийные соответствия были исследованы и подразделены на полные соответствия, частичные соответствия и безэквивалентные единицы:

полные соответствия в рамках данной работы были объединены в одну категорию с условно полными понятийными соответствиями, в связи с наличием незначительных отличий в англоязычных и русскоязычных понятиях даже при совпадении общего смысла;

частичные соответствия были классифицированы и подразделены на понятия с частичным пересечением объёма (т.е. понятия, характеризующиеся общностью одной или нескольких сем при различии остальных) и понятия, связанные отношениями включения (т.е. понятия, объём которых превышает объём аналогичного понятия в другом языке);

безэквивалентные единицы, составляющие значительную часть рассматриваемых терминогрупп, были объединены с понятийными лакунами (т.е. терминами, обозначающими субстрат, характерный для одной системы права, но отсутствующий в другой).

Вышеперечисленные группы в целом сходны по объёму, однако в связи с существенными различиями в правовых системах, последняя группа (безэквивалентные единицы) включает в себя наибольшее количество терминов. Несколько меньшее количество терминологических единиц может быть причислено к полным и условно полным понятийным соответствиям и, наконец, меньше всего понятий входит в состав частичных соответствий.

Практическая значимость данной работы отражена в результатах, которые могут быть использованы для создания информационно-поисковых тезаурусов, а также в переводческой и терминографической практике. Исследование может быть продолжено подробным исследованием терминологии доказательственного права в русском языке, а также проведением аналогичного сравнения российской терминосистемы доказательственного права с терминосистемами других стран общего права, например, Великобритании, Австралии или Канады. Кроме того, подобный анализ можно провести и в иных смежных отраслях права.

Список литературы

1. Авакова О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М.: 2006.
2. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования: Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. – 119 с.
3. Алимов В.В. Юридический перевод. Практический курс. Английский язык. – М.: КомКнига, 2005. – 160 стр.
4. Ахманова О.С. Основы компонентного анализа / О. С. Ахманова, М. М. Глушко. М., 1969.
5. Ахманова О.С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
6. Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Книжный мир, 2010. – 960 с.
7. Баскаков Н.А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР// Вопросы терминологии. – М.: Изд. АН СССР, 1961.
8. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
9. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М., 1978.
10. Власенко С.В. Перевод юридического текста: когнитивные особенности номинации и реалии-профессионализмы в языковой паре английский-русский//Филологические науки в МГИМО. Сборник научных трудов № 21 (37). М.: МГИМО, 2005. — С. 129—140.
11. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высшая школа, 1987.
12. Гринёв-Гриневич С.В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. – 303 с.
13. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 243 с.

14. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
15. Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения. Киев, 1989.
16. Климоцкий, Я.А. Некоторые методологические вопросы работы над терминологией науки и техники / Я.А. Климоцкий // Современные проблемы терминологии в науке и технике: сб. ст. – М.: Наука, 1969. – С. 32–61.
17. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990.
18. Лантиюхова Н.Н., Загоровская О.В., Литвинова Т.А. Термин: определение понятия и его сущностные признаки // Вестник ВИ ГПС МЧС России. 2013. №1 (6).
19. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
20. Лейчик В.М. Место терминологии в системе современных наук (к постановке вопроса) // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1969. №8. С. 5-8.
21. Лейчик В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // ВЯ. М., 1981. N2
22. Лейчик В.М., Шелов С.Д. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод / Серия «Теория и практика научно-технического перевода»: Обзор информации. Вып. 18. Часть II. М.: Всесоюзный центр переводов научно-технической информации и документации, 1990.
23. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М.: Наука, 1982.
24. Магомедов С.К. Унификация терминологии нормативных правовых актов Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук / С.К. Магомедов. М., 2004.

- 25.Максименко Е.С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем: на материале английской и американской юридической терминологии. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Саратов, 2002.
- 26.Матвеева Л.А. Социолингвистическое исследование английской терминологии криогенной техники. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Омск, 2004.
- 27.Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970. – С. 127 – 138.
- 28.Мякшин К.А. К вопросу об основных признаках термина // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 8. Ч. 2. С. 111-115.
- 29.Некрасова Т.П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М.: 2013.
- 30.Оськина С.Д. Актуальные проблемы развития и современного состояния английской терминологии гражданского процессуального права. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Омск, 2007.
- 31.Пашко Т.Л. Ономасиологическая и семасиологическая характеристика субстантивных фрагментов лексико-фразеологических полей. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Ленинград, 1984.
- 32.Реформатский А.А. Введение в языкознание: Учебник для вузов // Под ред. В. А. Виноградова. – Изд. 5-е, уточнённое. – М.: Аспект Пресс, 2001.
- 33.Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974.
- 34.Савицкий В. М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. – М.: Наука, 1987.
- 35.Стадульская Н.А. Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта // Вестник ЧелГУ. 2012. №32 (286) С. 112-117.

36. Стернин, И.А. Контрастивный анализ в современной лингвистике [Электронный ресурс] URL: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia> (дата обращения: 25.02.17)
37. Суперанская А.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – 6-е изд. – М.: Либроком, 2012. – 248 с.
38. Умерова М.В. Формирование и развитие терминологий и терминосистем / Федоровские чтения. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
39. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.
40. Фомина Л.Ю. Унификация нормативной правовой терминологии. – Автореф. дисс. канд. юр. наук. – Саранск, 2006.
41. Хаютин А.Д. Составные термины - функциональный тип сложных лингвистических единиц (СЛЕ) с позиций лексикографии // Отраслевая терминология и лексикография. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1981.
42. Черекаев А.В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования. – Автореф. дисс. канд. юр. наук. – М.: 2004.
43. Чернобель Г.Т. Теоретические основы упорядочения терминологии / Трута ВНИИСЗ – 1983- № 27.
44. Чиронова, И.И. Теоретические основы анализа юридической терминологии // Современные гуманитарные исследования: Международный благотворительный фонд "Меценаты столетия". 2007. № 6. – С. 142-147.
45. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 279 с.
46. Шкатова Л.А. Развитие ономасиологических структур: На примере наименования лиц по профессии в русском языке. Иркутск: Изд-во Иркутск, ун-та, 1984. – 150 с.

47. Язык закона /Под ред. А. С. Пиголкина. - М.: Юрид. лит., 1990.
48. Catford John C. A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1965.
49. Chroma M. Legal Translation and the Dictionary. Walter de Gruyter & Co, 2004. P.122.
50. Cyrus L. Old Concepts, New Ideas: Approaches to Translation Shifts. University of Münster, 2009.
51. Harvey M. What's so Special about Legal Translation? // Meta: journal des traducteurs, vol. 47, No. 2. 2002. P.177-185.
52. Hodge, Kay, et. al. Ensuring Equal Justice: Addressing Cultural and Linguistic Differences in the Courts of Massachusetts. Boston: Massachusetts Bar Association, 1996. Law Library KFM2926 .I9 E67 1996.
53. Mellinkoff D. The Language of the Law. Boston: Little, Brown & Co. 1963
54. Olsen Frances, Alexander Lorz, and Dieter Stein. Translation Issues in Language and Law. New York: Palgrave Macmillan, 2009. Law Library K213 .T734 2009.
55. Perry J., Kent A. Tools for machine literary searching: Semantic code dictionary. Equipment procedures. N.-Y.: Interscience publ, 1958. 972 p.
56. Ramirez, Linda Friedman. Cultural Issues in Criminal Defense. Huntington, NY: Juris, 2007. Law Library KF9646 .C66 2007.
57. Schober D. Naming Conventions for Controlled Vocabularies (CVs) and Ontologies. (Working draft) – 2006.
58. Strehlow R.A. The varieties of compound terms and their treatment // Standardization of technical terminology: principles and practices. 1983. p. 26-34.

Список использованных источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 17.04.2017).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017).
3. Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. N 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера».
4. Адвокат как гарант законности [Электронный ресурс] URL: <http://www.legal-office.ru/article/001.htm> (дата обращения: 26.03.17).
5. Бибило, В.Н. Правовое регулирование допустимости доказательств в уголовном процессе / Право и демократия - 2012г. №23.
6. Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. Прохоров А.М. -Изд. 3-е. -М.: Сов. энцикл., 1969-1981. 30 т.
7. Большой юридический словарь/Под ред. А.Я.Сухарева, В.Д.Зорькина, В.Е.Крутских. М., 1997.
8. Будылин, С.Л. Тезисы к научному круглому столу Юридического института «М-Логос» по теме «Проблемы доказывания в гражданском и арбитражном процессе».
9. Законы России [электронный ресурс] URL: <http://zakoniros.ru> (дата обращения: 07.05.17).
- 10.Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Яковлева В.Ф., Юкова М.К. М., 2003.
- 11.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.А.Чекалин; Под ред. В.Т.Томина, В.В.Сверчкова. — 4-е изд., перераб. и доп. -М.: Юрайт-Издат, 2007. 1264 с.
- 12.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный)/В.К. Дуюнов и др., отв. ред. Л.Л. Кругликов. - Волтерс Кluвер, 2005 г.
- 13.Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.И. Радченко. — М., 2003.

- 14.Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. — М., 2002.
- 15.Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. — М., 2002.
- 16.Леонтьев А.В. Участие адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам: монография. М.: Московский издательский дом, 2014.
- 17.Лоскутова Т.А. Привилегии и иммунитет свидетеля в уголовном процессе Англии и США // Адвокатская практика, 2005, № 6.
- 18.Медведев, М.Ю. Уголовный процесс, М.: Юриспруденция, 1999.
- 19.Отличие эксперта от специалиста и свидетеля [Электронный ресурс]
URL: <http://tomexp.ru> (дата обращения: 23.04.17)
- 20.Оценка доказательств в уголовном процессе [Электронный ресурс]
URL: <http://bukvi.ru/pravo/ugolovnoe/ocenka-dokazatelstv-v-ugolovnom-processe.html> (дата обращения: 26.03.17)
- 21.Панько, Н.К. Реализация функций защиты на досудебных стадиях производства по уголовному делу. М.: Юрист, 2002.
- 22.Правила оценки доказательств [Электронный ресурс] URL: <http://ur-consul.ru> (дата обращения: 16.04.17)
- 23.Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздан, 1955.
- 24.Уилшир А.М. Уголовный процесс. М., 1947.
- 25.Чем отличается свидетель от очевидца? [Электронный ресурс] URL: <http://thedifference.ru> (дата обращения: 23.04.17)
- 26.Шейфер С. А. Законность способа получения предметов и документов как фактор их допустимости. В кн. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе. Ростов-на-Дону, 2000.
- 27.Black's Law Dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern. By H.C. Black. / Sixth Edition. ST. PAUL, MINN. WEST PUBLISHING CO. 1990, 1658 p.

- 28.Burton W. C. Burton's legal thesaurus. 4th ed. New York, 2006.
- 29.Collins Dictionary of Law. London, WJ Stewart 2006.
- 30.Defense calls surprise witness at last minute. Can he testify at trial? [Электронный ресурс] URL: <http://www.oginski-law.com> (дата обращения: 16.04.17).
- 31.Federal Rules of Evidence – Impeachment of a Witness (FRE 608, FRE 609, et al.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.legalthree.com> (дата обращения: 26.03.17).
- 32.Jefferson L. Ingram. Criminal evidence. – 10th ed, 2009.
- 33.Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 16.04.17).
- 34.Law.com [Электронный словарь] URL: <http://dictionary.law.com> (дата обращения: 26.03.17).
- 35.Legal dictionary [Электронный словарь] URL: <https://legaldictionary.net> (дата обращения: 16.04.17).
- 36.Nardone v. United States, 308 U.S. 338 (1939).
- 37.Neubauer, David W. America's Courts and the Criminal Justice System, 9th ed. (Belmont, Cal.: Wadsworth, 2008).
- 38.NOLO [Электронный словарь] URL: <http://www.nolo.com> (дата обращения: 26.03.17).
- 39.Silverthorne Lumber Co. v. United States, 251 U.S. 385, 392 (1920).
- 40.The ‘Lectric Law Library’s Lexicon [электронный ресурс] URL: www.lectlaw.com (дата обращения: 26.03.17).
- 41.United States Department of Justice Legal Terms Glossary [Электронный словарь] URL: <https://www.justice.gov/usaio/justice-101/glossary> (дата обращения: 16.04.17).
- 42.USLegal [Электронный словарь] URL: <http://definitions.uslegal.com> (дата обращения: 26.03.17).
- 43.West's encyclopedia of American law. Minneapolis/St. Paul, MN : West Pub. Co., 1998.

44. Wex Legal Dictionary [Электронный словарь] URL: <https://www.law.cornell.edu/wex> (дата обращения: 16.04.17).
45. YourDictionary [Электронный словарь] URL: <http://law.yourdictionary.com> (дата обращения: 23.04.17).

Приложение 1

Приложение 2

Микрополе “*admission of evidence*”

ACCEPTANCE OF EVIDENCE
AD HOMINEM FALLACY
ADMISSION OF EVIDENCE
AMBIGUOUS (QUESTION)
ARGUING THE LAW
ARGUMENTATIVE (QUESTION)
ASKED AND ANSWERED
ASSUMES FACTS NOT IN EVIDENCE
AUTHENTICATION
BADGERING
BEYOND THE SCOPE
CALLS FOR A CONCLUSION
CALLS FOR SPECULATION
COERCIVE EVIDENCE
COMPOUND QUESTION
CONFUSING (QUESTION)
COUNSEL IS TESTIFYING
EVIDENTIARY OBJECTION
EXCLUSION OF EVIDENCE
FOUNDATION FOR EVIDENCE
FRUIT OF THE POISONOUS TREE
HEARSAY
IMMATERIAL (QUESTION)
IMPROPER CHARACTERIZATION OF EVIDENCE
INADMISSIBLE EVIDENCE
INADMISSIBLE MATTER
INCOMPETENT (WITNESS)
INCOMPLETE (EVIDENCE)
INCONSISTENT TESTIMONY
INFLAMMATORY (QUESTION)
INSUFFICIENT EVIDENCE
IRRELEVANT (QUESTION)
IRRELEVANT EVIDENCE
LACK OF FOUNDATION

LEADING QUESTION
MIRANDA WARNING
MISLEADING (QUESTION)
MISQUOTE
MISSTATES EVIDENCE
MORE PREJUDICIAL THAN PROBATIVE
NARRATIVE
NON-RESPONSIVE
NOTHING PENDING
OBJECTION!
OPINION EVIDENCE
OPPRESSION
OVERRULED
PREJUDICE
PRIVILEGE
PRIVILEGED COMMUNICATION
RELEVANT EVIDENCE
RES GESTAE
SCINTILLA OF EVIDENCE
SIMILAR FACT PRINCIPLE
SPOILATION OF EVIDENCE
SUSTAINED
UNINTELLIGIBLE (QUESTION)
VAGUE (QUESTION)

Микрополе “processing evidence”

BEYOND A REASONABLE DOUBT	Analyzing E
BURDEN OF PERSUASION	Analyzing E
BURDEN OF PROOF	Analyzing E
HASTY GENERALIZATION	Analyzing E
INFERENCE	Analyzing E
PREPONDERANCE OF EVIDENCE	Analyzing E
CHAIN OF CUSTODY	Obtaining E
DEPOSITION	Obtaining E
EVIDENCE PRESERVATION	Obtaining E

FINDINGS OF FACT	Obtaining E	
JUDICIAL NOTICE	Obtaining E	
LOCARD'S EXCHANGE PRINCIPLE	Obtaining E	
MIRANDA WARNING	Obtaining E	
OMNIBUS HEARING	Obtaining E	
OPPRESSION	Obtaining E	
REMOTE WITNESS ROOM	Obtaining E	
WITNESS PROTECTION	Obtaining E	
CLOSED-ENDED QUESTION	Presenting E	Questioning
CONFESION	Presenting E	
CROSS-EXAMINATION	Presenting E	Questioning
ELABORATE QUESTION	Presenting E	Questioning
FISHING QUESTION	Presenting E	Questioning
INDUCING QUESTION	Presenting E	Questioning
LINE OF QUESTIONING	Presenting E	Questioning
OPEN-ENDED QUESTION	Presenting E	Questioning
SUGGESTIVE INTERROGATION	Presenting E	Questioning
SUPPRESSION OF EVIDENCE	Presenting E	

Микрополе “*types of evidence*”

ADMINICULAR EVIDENCE		
AFFIRMATIVE EVIDENCE		
AFTERDISCOVERED EVIDENCE		
ALIBI		
ANALYTICAL EVIDENCE		
AUXILLIARY EVIDENCE		
BEST EVIDENCE		
CLEAR AND CONVINCING EVIDENCE		
COERCIVE EVIDENCE		
COLLATERAL EVIDENCE		
COMPETENT EVIDENCE		
CONCLUSIVE EVIDENCE		
CONFLICTING EVIDENCE		
CORROBORATING EVIDENCE		
CREDIBLE EVIDENCE		

CUMULATIVE EVIDENCE		
EXONERATING EVIDENCE		
FABRICATED EVIDENCE		
FALSIFIED EVIDENCE		
FAVOURABLE EVIDENCE		
FIRST-HAND EVIDENCE		
IMMATERIAL EVIDENCE		
IMPEACHING EVIDENCE		
INADMISSIBLE EVIDENCE		
INCOMPETENT EVIDENCE		
INCOMPLETE EVIDENCE		
INCONSISTENT TESTIMONY		
INCOLPATORY EVIDENCE		
INDEPENDENT EVIDENCE		
INDISPENSABLE EVIDENCE		
INSUFFICIENT EVIDENCE		
IRRELEVANT EVIDENCE		
MATERIAL EVIDENCE		
NEW EVIDENCE		
NEWLY-DISCOVERED EVIDENCE		
PRESUMPTIVE EVIDENCE		
PRIMARY EVIDENCE		
REBUTTING EVIDENCE		
RELEVANT EVIDENCE		
SATISFACTORY EVIDENCE		
SECOND-HAND EVIDENCE		
SELF-INCRIMINATION		
SUBSTANTIVE EVIDENCE		
SUFFICIENT EVIDENCE		
DIRECT EVIDENCE	Direct E	
PRIMA FACIE EVIDENCE	Direct E	
AFFIDAVIT	Direct E	Documentary E
CHARACTER EVIDENCE	Direct E	Documentary E
DOCUMENTARY EVIDENCE	Direct E	Documentary E
EXPERT EVIDENCE	Direct E	Documentary E
EXPERT REPORT	Direct E	Documentary E

EXTRINSIC EVIDENCE	Direct E	Documentary E
HABIT EVIDENCE	Direct E	Documentary E
INTRINSIC EVIDENCE	Direct E	Documentary E
SECONDARY EVIDENCE	Direct E	Documentary E
STATEMENT	Direct E	Documentary E
WITNESS ACCOUNT	Direct E	Documentary E
WRITTEN EVIDENCE	Direct E	Documentary E
ANECDOTAL EVIDENCE	Direct E	Testimonial E
CHARACTER EVIDENCE	Direct E	Testimonial E
COMMUNICATIVE EVIDENCE	Direct E	Testimonial E
EXPERT EVIDENCE	Direct E	Testimonial E
EXPERT REPORT	Direct E	Testimonial E
HABIT EVIDENCE	Direct E	Testimonial E
HEARSAY	Direct E	Testimonial E
OPINION EVIDENCE	Direct E	Testimonial E
ORAL EVIDENCE	Direct E	Testimonial E
ORAL TESTIMONY	Direct E	Testimonial E
POSITIVE EVIDENCE	Direct E	Testimonial E
STATEMENT	Direct E	Testimonial E
SWORN EVIDENCE	Direct E	Testimonial E
TESTIMONIAL EVIDENCE	Direct E	Testimonial E
TESTIMONY	Direct E	Testimonial E
WITNESS ACCOUNT	Direct E	Testimonial E
CIRCUMSTANTIAL EVIDENCE	Indirect E	
EVIDENCE ALIUNDE	Indirect E	
FORENSIC EVIDENCE	Indirect E	
INDIRECT EVIDENCE	Indirect E	
SCIENTIFIC EVIDENCE	Indirect E	
BIOLOGICAL EVIDENCE	Indirect E	Biological E
DNA EVIDENCE	Indirect E	Biological E
FINGERPRINTS	Indirect E	Biological E
ASSOCIATIVE EVIDENCE	Indirect E	Physical E
CLASS EVIDENCE	Indirect E	Physical E
CONDITIONAL EVIDENCE	Indirect E	Physical E
DEMONSTRATIVE EVIDENCE	Indirect E	Physical E
DIGITAL EVIDENCE	Indirect E	Physical E

EMPIRICAL EVIDENCE	Indirect E	Physical E
IMPRESSION EVIDENCE	Indirect E	Physical E
INDIVIDUAL EVIDENCE	Indirect E	Physical E
PATTERN EVIDENCE	Indirect E	Physical E
PHYSICAL EVIDENCE	Indirect E	Physical E
REAL EVIDENCE	Indirect E	Physical E
TRACE EVIDENCE	Indirect E	Physical E
TRANSFER EVIDENCE	Indirect E	Physical E
TRANSIENT EVIDENCE	Indirect E	Physical E

Микрополе “*types of witnesses*”

ADVERSE WITNESS
ALIBI WITNESS
CHARACTER WITNESS
COMPETENT WITNESS
COMPLAINANT WITNESS
DEFENSE WITNESS
EDUCATING WITNESS
EXPERT WITNESS
EYEWITNESS
HEARSAY WITNESS
HOSTILE WITNESS
INCOMPETENT WITNESS
LAY WITNESS
MATERIAL WITNESS
NON-COMPLAINANT WITNESS
PROSECUTION WITNESS
REBUTTAL WITNESS
REPORTING WITNESS
REPUTATION WITNESS
SILENT WITNESS
SURPRISE WITNESS
UNFAVOURABLE WITNESS
WITNESS
WITNESS OF MATERIAL FACT

Микрополе “*weight of evidence*”

BEST EVIDENCE RULE
BEYOND A REASONABLE DOUBT
PERSUASIVENESS
PREPONDERANCE OF EVIDENCE
PRIMARY EVIDENCE
PROBATIVE VALUE
QUANTUM OF EVIDENCE
SATISFACTORY EVIDENCE
SCINTILLA OF EVIDENCE
SUBSTANTIVE EVIDENCE
SUFFICIENT EVIDENCE
VALUE OF EVIDENCE
WEIGHT OF EVIDENCE